

ЮРИЙ СОТНИК
РАЙКИНЫ ПЛЕННИКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ НЕРУССКИХ ШКОЛ

ЮРИЙ СОТНИК

Издательство „Детская литература“

Москва 1965

Р 2
С 67

Обложка Г. ВАЛКА

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ-ЧИТАТЕЛИ!

Довольно часто ко мне обращаются с просьбой написать несколько слов, чтобы напечатать их в начале той или другой книжки. И, так сказать, представить автора этой книжки читателям. Вот, мол, будьте знакомы, прошу любить и жаловать!.. И трудно отказать в этом не только потому, что всегда приятно выполнить законную просьбу, но и потому ещё, что о хорошей книжке уж действительно есть что сказать, и хочется поделиться с читателями своими мыслями об авторе и его работе.

Только я всегда стараюсь сказать об этом как можно короче, чтоб не занимать много места в книжке, которая принадлежит другому писателю. Попробую и в этой книжке обойтись лишь двумя-тремя страницами. Тем более, что Юрия Сотника давно уже незачем представлять читателям. Они уже и сами давным-давно познакомились с ним и полюбили этого талантливого писателя.

Как вы знаете, он работает в литературе уже далеко не первый год. Недавно, в 1964 году, мы поздравили Юрия Вячеславовича Сотника с пятидесятилетием, пожелали ему здоровья, новых успехов в творчестве. Ну, и как принято делать в дни юбилея, ещё раз оглянулись на уже немалый трудовой, творческий путь, пройденный писателем.

Юрий Вячесла́вович Со́тник роди́лся в 1914 году́ в го́роде Орджоники́дзе (бы́вшем Влади́кавказе). По́том учи́лся в Москве́ в одной из лу́чших шко́л сто́лицы — шко́ле № 110 в Мерзляко́вском переу́лке, где мно́гие из пи́сателей ча́стенько встре́чались с чита́телями-шко́льниками.

По́том нача́лась пора́ стра́нствий, по́исков, узнава́ния жи́зни. Ю́рий Со́тник е́здил в Сиби́рь, был фотолаборан́том, спла́вным рабо́чим на реке́ Ле́не, ходи́л там на карба́сах, знако́мился с запомина́ющимися лю́дьми, побува́л в интере́сных места́х, повида́л не ма́ло... Он нача́л пи́сать расска́зы, но его́ до́лго не печа́тали, — ви́дно, расска́зы е́щё не получа́лись. В 1938 году́ он вступи́л в литерату́рное объе́дине́ние при изда́тельстве «Советский пи́сатель», нача́л серьё́зно учи́ться литерату́рному де́лу. И вско́ре его́ и́мя ста́ло широ́ко изве́стным среди́ ю́ных чита́телей. Со́тник срáзу по́нра́вился ребя́там как расска́зчик увлека́тельный, весе́лый, уме́ющий, не хму́ря брове́й, за шу́тливой улы́бкой приоткры́ть то, над чем сто́ит, мо́жет быть, задума́ться и всерьёз.

По́сле войны́ Ю́рий Со́тник был уча́стником пе́рвого совеща́ния молоды́х пи́сателей, и тогда́ уже́ всем ста́ло я́сно, что в на́шей де́тской литерату́ре появи́лся тала́нтливый и иску́сный пи́сатель, кото́рый уже́ написа́л не ма́ло превосхо́дных расска́зов, бу́дет пи́сать е́щё бо́льше, е́щё лу́чше и ско́ро ста́нет одни́м из люби́мых а́второв для ребя́т.

И действи́тельно, когда́ называ́ешь сейча́с где-нибу́дь, бесе́дуя с ребя́тами — будь то шко́ла и́ли перепол́ненный Коло́нный зал До́ма сою́зов, куда́ приш́ли на откры́тие Неде́ли де́тской кни́ги шко́льники, — и́мя Со́тника, все ра́достно и гро́мко хло́пают, вска́кивают с мест, что́бы полу́чить разгляде́ть давно́ уже́ всем полюбивше́го пи́сателя. И ве́рно, ма́ло кто из нас, пи́сателей, уме́ет вызы́вать тако́й и́скренний

хóхот, такóе рáдостное весéлье, как ёто дéлает Сóтник. И достигаёт он ётого своéй вдúмчивой простотóй, отличным знáнием всýких ребячьих дел, весёлой вúдумкой, котóрая óчень понятна ребятам, так как самá похóжа на их всевозмóжные вúдумки и затéи. И в то же врéмя Сóтник пишeт не для тогó, чтóбы во что бы то ни стáло рассмешít читáтеля, он не стáвит сво́их герóев нá голову, не переворáчивает вверх тормáшками привы́чные поня́тия и явлéния жízни.

Сóтник смóтрит на жизнь глазáми весёлого и óчень вéрящего в людéй человекá. Он знáет, что нáша советская жизнь помогаёт расти лúдям знáющими, дóбрыми, сýльными, внимáтельными друг к дрúгу. Сóтник не скрывает от читáтеля, что есть ещё и у нас немáло дрянных людíшек, и больш́их и мáленьких, попада́ются ещё болтуны́, вралí, трýсы, себялю́бцы, зазнава́ки, нéучи, мёлкие злы́дни. . .

Вот ведь рáзные лúди ёдут в вагóне, где одíн из герóев Сóтника, хра́брый и неутомíмый юный натурáлист, везёт в бáнке гадюку для школьного зооуголка́. И происше́ствие случáется при ётом весьма неприятное и едвá не кóнчившееся плóхо. Не бúду вам, ёсли вы ещё не читáли ётого превосходного рассказá, зарáнее раскрывáть, как всё ёто там у них кóнчилось. Но когдá вы прочтёте рассказ сáми, вы увíдите, как хорошó, тóчно и разнообразно умеет описывать рáзных людéй, не похóжие друг на дрúга человеческие харáктеры писáтель Юрий Сóтник. Он твёрдо убеждён, что у нас хоро́ших, понима́ющих жизнь, бéрежно относя́щихся к полéзным ребячьим зáмыслам, готóвых помóчь друг дрúгу людéй кудá бóльше, чем трусовáтых эго́истов, да и онí не всегда́ безнадёжны и бóльшую чáстью исправíмы.

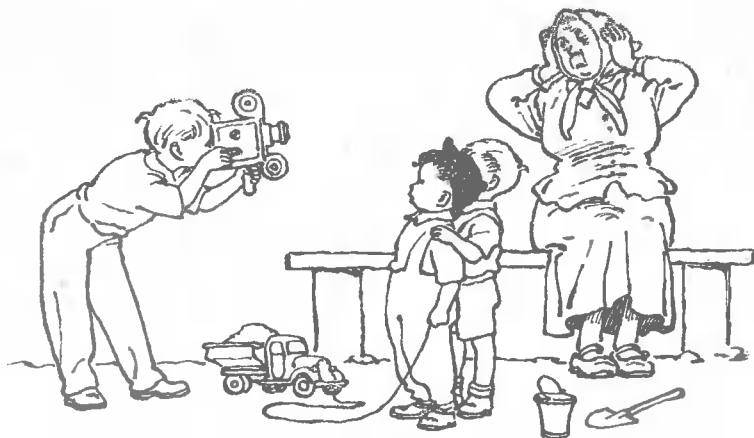
Нет, я не бúду вам зарáнее перескáзывать содержание таких превосходных рассказов, как та же «Гадюка», «Бéлая крыса», «Кинохрóника» и дрúгие.

Прочтите их сами и убедитесь, как хорошо знает ваши интересы и настроения писатель, как правдиво и занятно он умеет показать вам вас же самих, потому что, я убеждён, почти в каждом из героев тех рассказов, которые Юрий Сотник собрал в этой книге, вы увидите что-то и своё собственное, каждому из вас свойственное, у вас самих или у ближайших друзей ваших встречающееся. И писатель своими книгами помогает вам укрепить то, что есть в вас хорошего, что надо сделать лучше, и помогает вам высмеять и исправить то, что плохо.

Вот и всё, что мне захотелось сказать перед тем, как вы будете читать эту книгу, написанную мастером тонким и добрым.

Как видите, я отнял у вас не так уж много времени из того, которое вы решили уделить настоящей книге. Я представляю себе заранее удовольствие, которое вы теперь получите со следующей же страницы...

Лев Кассиль

КИНОХРОНИКА¹

В ту субботу, придя из школы и пообедав, я вынул из шкафа самодельный киносъёмочный аппарат и приступил к своему обычному занятию: я завёл пружину аппарата, наставил пустой, без плёнки, аппарат на кошку, умывавшуюся посреди комнаты, и нажал на спуск. Аппарат затрещал; кошка посмотрела на меня долгим взглядом, зевнула, потянулась и ушла под кровать.

Я побрёл на кухню и наставил рамку видеискателя на маму, которая мыла посуду. Кинокамера снова затрещала. Мама тяжело вздохнула и покачала головой:

— Бóже! Как ты мне надоёл со своим аппаратом!

Я тоже вздохнул и поплёлся прочь из квартиры. Во дворе на лавочке сидела старушка. Перед ней катали жёстяной самосвал двое малышей. Я навёл свою камеру на них.

¹ Кинохроника — фильм о текущих общественных событиях.

— Всѣ трещит и трещит! — прошамкала старушка. — Которые дѣти книжки читают или играют себѣ, а этот всѣ трещит и трещит. . .

Больше я трещать не стал.

Я вернулсѣ домой, спрятал свой аппарат, сел у столѣ и уныло задумалсѣ.

Прошло ужѣ дѣсять дней, как я с помощью папы пострѣбил свою киносъемочную камеру и проѣктор к ней. Моя камера была неуклюжей, но первая же плѣнка, снятая ею, оказалась вполне приличной.

С тех пор и началсѣ мои мучѣния. Папа купил мне два мотка плѣнки. Первый пробный моток я сгоряча извѣл на всякие пустяки, а стоил он не так уж мало. Я дал папе слово, что больше не истрѣчу зря ни одного кадрика. Я решил на оставшейся у меня плѣнке снять такую боевую, такую увлекательную кинохронику, чтобы все зрители были в восторге.

Нѣсколько дней я бродил со своим аппаратом по городу, ожидая, что случится какое-нибудь происшествие, но ничего не случалось. Я надоел всем родным и знакомым, спрашивая их, не готовится ли где-нибудь интересное событіе, но так ничего и не узнал. Моточек плѣнки лежал нетронутым в моем столѣ, а сам я утешалсѣ лишь тем, что наводил пустой аппарат то туда, то сюда и заставлял его трещать на холостом ходу. . . Этим треском я тоже всем надоел, да и самому себѣ порядком надоел.

Раздалсѣ звонок. Я вышел в переднюю, открыл дверь и увидал своего двоюродного брата, пятиклассника Владю Аникеева. Я сразу догадалсѣ, что у Влади что-то произошло. Занятія в школѣ давно кончилисѣ, а он был с портфелем в руках. Кроме того, обычно солидный, аккуратный, он имел сейчас какой-то растрѣпанный вид: пальто его было распахнуто, воротник гимнастерки расстѣгнут, а большіе круглые очки сидѣли криво на его носу.

— Здравствуй! Дело есть! — сказал он, хмуро взглянув на меня, и стал снимать пальто.

— Из школы? — спросил я.

— Ага!

— Что так поздно?

— Сбор проводил.

— Отряда?

— Нет, с третьим звеном.

Владя прошёл в комнату и стал разглядывать в зеркале своё лицо.

— П-подлецы! — процедил он сквозь зубы.

Тут только я заметил, что правая дужка его очков сломана, а вдоль щеки тянутся четыре царапины.

— Ты что, дрался, никак? — спросил я.

— Разнимал, — проворчал Владя, не отрываясь от зеркала.

— Кого разнимал?

— Третье звено.

— Вот это звено! На сборе подрались?

— Нет, после. — Владя поправил на носу очки, но они тут же снова съехали набок.

— А что за сбор-то у вас был?

— На тему «Дружба поможет в учёбе и труде».

Я повалился на диван и захохотал. Владя отошёл от зеркала.

— Тебе смех, конечно, а меня как председателя на каждом совете дружины за это звено проработывают. — Он сел на стул, расставив ноги и опершись руками о колени. — В общем, давай ближе к делу. Твой аппарат работает?

Я сразу перестал смеяться:

— Работает.

— И плёнка есть?

— Есть. Только немного. Моточек один.

Владя пристально смотрел на меня сквозь перекошенные очки.

— Кинохронику снять хочешь? Боевую!

Тут уж я совсем насторожился¹:

— Конечно, хочу! А что именно?

— Драку. Настоящую. Четверо мальчишек будут драться и, может быть, три девочки.

Я так и подскочил. Я прямо ушам не верил, что мне привалило такое счастье.

— Владька! Ты не врешь? Кто будет драться? Где? Когда?

— Завтра в девять утра. В парке. Третье звено будет драться.

— Опять третье звено!

— Ага! Погоди, я тебе обрисую положение. — Владя придвинулся со стулом поближе ко мне. — Понимаешь, в нашем отряде с дружбой не совсем благополучно. Мы с Люсей, нашей вожатой, за один только месяц два мероприятия по внедрению дружбы провели: сбор отряда на тему «Отлично учиться и крепко дружить» и литературную викторину на тему «Классики мировой литературы о дружбе». Мы с Люсей и сами замучились и ребят замучили, готовя эти мероприятия, а дружба всё ещё не на высоте. Особенно в третьем звене. С ним прямо спасу нет! Как перессорились летом из-за чего-то, разделились на две партии, так до сих пор и воюют. Мы с Люсей думали, думали, как с ними быть, и решили для них специальный сбор звена организовать, посвященный дружбе. Главарю одной партии, Андрею Тарантасову, велели доклад подготовить на тему «Зачем нужна дружба», а его врагу, Оське Дробилкину, поручили сделать доклад «Что мешает нашей дружбе». Тане Зарубиной (она у них поэтесса) заказали стихи о дружбе написать и всех вместе заставили песню разучить — «Дружно шагает наше звено». Сегодня, значит, и проведи. Ан-

¹ Насторожиться — внимательно прислушаться.

дрей свой доклад благополучно сделал, а Оська как начал свой содоклад, так сразу и заявил, что дружбе мешают Андрюшка и его компания и что все они такие-то и расперетакые-то. Мы с Люсей их кое-как уговорили, но дальше сбор всё равно насмарку пошёл: Татьяна стихи читать отказалась, а песню они такими голосами пробыли, меня аж мороз по коже продрал. А после сбора выхожу из школы на улицу, смотрю, а они уже! Гришка Тамару за косу ухватил, а Зинаида Гришку портфелем по голове, а Оська... Словом, каждому дело нашлось. Я вмешался, и вот тебе результат. Мило, а?..

— Ну ладно! Ты давай главное говори: о завтрашнем дне.

— Погоди! Сейчас будет главное. Подоспели старшеклассники, разогнали их, и они отправились по домам. А я задержался: всё пытался дужку к очкам приладить. Наконец иду домой, захожу в парадное (мы с Гришкой на одной лестнице живём) и слышу на верхней площадке голоса. Там уже собрались Гришка, Андрей и Татьяна. Останавливаюсь, прислушиваюсь и знаешь, что слышу? Гришка с Андреем сговариваются на Оську засаду устроить. Тот, понимаешь, завтра в кино собирается на десять утра, а эти хотят с девяти в парке засесть и его подстеречь. И Татьяна с ними пойдёт: из кустов будет смотреть. Я, значит, послушал их, послушал, тихонько вышел из парадного и бросился к Оське. Прибегаю к нему и говорю: так, мол, и так, ты завтра по тропинке, что через парк ведёт, не ходи — там тебя Гришка с Андреем отлупить собираются. А он очень обрадовался и говорит: «Спасибо, что сказал. Я завтра с собой Никиту возьму и всех наших возьму, и мы сами на них засаду устроим и так их отделаем, что папа с мамой не узнают». Я прямо на Оську глаза вытаращил. «Ты что, спятил? — говорю. — Ты думаешь, я, председа-

тель совета отряда, к тебе прибежал, чтобы такое побойще организовать?» А он отвечает: «Ты меня не агитируй! Тут вопрос принципиальный. Гришка с Андреем затеяли хулиганский поступок, а хулиганам нужно давать отпор. И имей в виду, говорит, если ты Гришку с Андреем предупредишь, мы тебя самого отлупим, хоть ты и председатель». Я посмотрел, посмотрел на Оську и вдруг сказал: «Ладно! Поступайте как знаете! Никогда я предупреждать больше не буду». Это знаешь почему? Я вспомнил о тебе и принял такое решение: пусть они дерутся завтра сколько им влезет, а ты их потихоньку снимй. А потом мы твою кинокартину в школе покажем. Пусть на них вся дружина полюбуется! Может, хоть такой позор их перевоспитает!

Я вообще человек сдержанный, но тут я обнял Владьку, чмокнул его в щеку, потом два раза перекувырнулся через голову на диване. Когда я успокоился, Владя объяснил мне подробно, в каком месте парка будет засада, и на прощание крепко пожал мне руку.

— Желая удачи. Я бы сам с тобой завтра пошел, да мы с утра за город уезжаем.

Проводив Владю, я подумал, что мне надо заранее осмотреть место завтрашней съемки. Я побежал в парк.

Местечко, выбранное войками из третьего звена, было очень удобно для засады. Парк в нашем городе большой, старинный. Он больше похож на лес, чем на парк. Полянка, через которую шла тропинка к кинотеатру, была со всех сторон окружена густым кустарником. Даже находясь в трех метрах от полянки, нельзя было бы разглядеть, что на ней происходит. А вот выбрать подходящую позицию для съемки оказалось не так-то просто. С полчаса я лазил по кустам да раздумывал, как быть. Заберусь поглубже в кусты и вижу, что ветки обязательно заслонят мне объектив,

выберусь поближе к полянке и понимаю, что так меня в два счёта обнаружат, а этого мне вовсе не хотелось. Судя по рассказам Владьки, в третьем звене такой народ, что они сначала отлупят человека, а потом подумают, стоит ли его лупить. Пускай они пятиклассники, а я шестиклассник, но их-то ведь много, а я один!

На краю полянки рос большой клён. Я осмотрел его. Листья клёна уже сильно поредели, и спрятаться в ней было трудно, но я подумал, что во время драки люди не интересуются тем, что делается у них над головой. Я решил снимать с клёна.

Дома я весь вечер чистил и проверял свой аппарат и разводил химикалии, чтобы завтра же проявить плёнку.

Когда все легли спать и потушили свет, у меня появилось мрачное предчувствие, что меня завтра побьют. Но я вспомнил, что настоящим кинооператорам приходится снимать и на Северном полюсе, и в Антарктиде, и в лесах, кишящих дикими зверями, и в кровавых сражениях. И мне даже стало приятно от мысли, что я тоже буду подвергаться опасности.

А утром, около девяти часов, я уже находился на своём боевом посту: лежал животом на нижней ветке клёна, держа перед собой заряженный и заведённый аппарат.

Утро стояло ясное, солнечное. С высоты трёх метров мне открывался красивый вид. Кустарники, которыми зарос почти весь парк, казались клубами бурого дыма, а над ними, как языки пламени, подымались красные, жёлтые, оранжевые клёны, берёзы и тополя. Сначала я думал, что мне ничего не стоит пролежать на моей ветке хоть до самого вечера, но чем дольше я лежал, тем больше обнаруживал под собой какие-то бугры и сучки, которые всё больше впивались в тело. Минут через десять мне стало совсем невозможно, и я

сел верхом, чтобы немного передохнуть. Сел... да так и замер.

Вблизи послышался лёгкий топот, и на полянку со всех ног вылетел мальчишка в лыжном костюме. Круто свернув с тропинки, он поскользнулся, шлёпнулся, вскочил и нырнул в кусты где-то справа от меня. Не успел я и глазом моргнуть, как примчались две девочки: одна блондинка, другая ярко-рыжая. Они приостановились, повертелись на одном месте с огромной быстротой, потом бросились в разные стороны и тоже исчезли в кустах. Последним прибежал ещё мальчишка, маленький, худенький. Он прятаться не стал. Он с ходу опустился на карачки, сделав полукруг, подполз к крайнему кусту и стал выглядывать из-за него на тропинку.

Тут только я опомнился. Бесшумно и стремительно я снова растянулся на ветке и так напоролся животом на сучок, что от боли даже крикнул, как утка. Четверо вниз не заметили этого.

— Идут? Ося, идут? — громким шепотом спрашивали из кустов.

— Не! Не видать, — отвечал маленький мальчишка.

— Ось! Где ты их видел? Где ты их видел?

— Метров двести от нас... Мы уже в парк входили. Я посмотрел назад, а они из переулка на площадь выходят. Девчата! Зина, Тамара, слушайте: мы с Никитой на мальчишек нападём, а вы сразу на Таньку наваливайтесь. Ладно?

Блондинка за своим кустом ничего не ответила, а рыжая проворчала почти басом:

— Ну да ещё! Станем мы драться! Что мы, хулиганки какие...

Оська снова взглянул на тропинку и тут же подался назад:

— Идут!

Трѳе в кустѳх затѳхли. Я не мог видѳть тропѳнку, я видѳл тѳлько Оську, наблюдавѳшего за ней. Он то припадѳл грѳдью к сѳмой землѳ, то ложѳлся нѳ бок, то снѳва поднимѳлся на четверѳньки.

— Идѳт! — шептѳл он в стрѳшном волнѳнии. — Мѳтров пятьдесят остѳлось. Остановѳлись. . . Ой! Одевѳются во чтѳ-то. . . Ой! . . Мѳски надевѳют. Мѳски! Чѳрные! Идѳт! — Оська попятѳлся, запѳлз в кустѳ и ужѳ оттѳда торопливо прошептѳл: — Девчѳта! Зѳна! Если Тѳнька бѳдет мальчѳшкам помогѳть, вы с Тамѳркой свой предрассѳдки брѳсьте, слѳшите?

— Угѳ, — послѳшалось из-за кустѳ, сквозь которѳй маячило рѳжеѳ пятнѳ.

Бѳльше никтѳ не произнѳс ни слѳва.

И вот на полянѳкѳ появилѳсь ещѳ трѳе заговорѳщиков. Поэтѳсса Татьяна имѳла наружнѳсть, ѳчень подходящѳю для поэтѳссы: у неѳ бѳли тѳмные лѳконы, блѳдное лицѳ и большѳе чѳрные глазѳ с длинными реснѳцами. Обѳих спѳтников еѳ дѳже без всѳкой дрѳки стѳбило снять на киноплѳнку. Чтѳбы Оська их не узнал, онѳ напялили на себѳ чѳрт знѳет что: лицѳ обѳих бѳли закрьты мѳсками, вѳрезанными из тѳмной трѳпки. Крѳме тогѳ, ѳдин мальчѳшка был до пят закутан в стѳрый бѳйковый халѳт малинового цвѳта, а на другѳм был дрѳный свѳтер и огрѳмные брѳюки-галифѳ шириной чуть ли не в рост самого мальчѳшки.

Онѳ остановѳлись средѳ полянѳки и стѳли оглѳдываться.

— Мѳльчики, а где кляп? У когѳ кляп? — нѳжным гѳлосом спросѳла поэтѳсса. — Грѳша, у тебѳ кляп?

— У меня. — Заговорѳщик в галифѳѳ вѳнул из карманѳ скѳмканнѳй носѳвой платѳк и длиннѳщую тѳлстую верѳвку. — Тѳлько зря вы всѳ ѳто. Лѳчше прѳсто отколѳтитѳ егѳ, как все лѳуди дѳлают, и порѳдок.

Татьяна заспѳрила с ним:

— Знѳешь, Грѳшка. . . В тебѳ вот ни на стѳлечѳко

фантазии нет! Ну что интересного, если вы его отколбтите? А тут... Тут прямо как в кино! Он идёт, вдруг на него налетают двое в масках, затыкают рот, привязывают к дереву и исчезают.

— А первый прохожий его развязывает, — добавил Гришка.

— Ну и пусть развязывает, — вступился Андрей. — Зато он на всю жизнь это запомнит. А какой толк в твоём колочении? Он к нему с детства привык: его каждый день кто-нибудь лупит.

Гриша сказал, что ему, в конце концов, всё равно, как поступят с Дробилкиным, и что ему только жалко верёвки, которую Оська им, конечно, не вернёт.

Все трое умолкли. Поэтесса отошла от своих спутников и стала разглядывать их с таким видом, словно это были прекрасные статуи.

Вот она заулыбалась, прищурив глаза и наморщив нос.

— Ой, мальчики, какие вы интересные! — пропущала она тоненьким голоском и, оглянувшись вокруг, потирая ладошки, добавила: — И вообще, как всё это интересно! Как интересно!..

— Интересно, да? Интересно? — басом рывкнула Зинаида и вылезла из кустов.

— Интересно! Интересно! — закричала вся Оськина компания, выскакивая на полянку.

Заговорщики испугались, но не пытались бежать. Они только головами вертели во все стороны. Я приник глазом к видеоискателю. События стали развиваться очень быстро.

Рыжая коренастая Зинаида, пригнув голову, упершись кулаками в бока, пошла на поэтессу.

— Тебе интересно, да? Очень интересно, да? Интересно, как человека мучают, да?

Поэтесса тихонько пятилась, нацелив на Зинаиду две растопыренные пятерни.

— Тóлько тронь, Зинка! Тóлько троны! Тóлько тронь! Тóлько тронь!..

Белобры́тая Тама́ра прыга́ла перед Гри́шкой с Андре́ем, издева́ясь над их костю́мами, и называ́ла их «шутáми горóховыми». Никита́, ухмыля́ясь, засу́щивал рукава́ и бормота́л, что сейча́с кое-кто́ узнаёт, как втроём на одно́го напада́ть.

— Никита́! Никита́, да́й им! Да́й им! — надрыва́лся Оська, держа́сь побли́же к ку́стам. — Вы слы́шали? Вы слы́шали, что о́ни хоте́ли со мной сде́лать? Кляп в рот! Как банди́ты настоя́щие! Никита́, да́й им, че́го бои́шься! Да́й им!

Вдруг Тама́ра подско́чила к Гри́ше и сде́рнула с него́ ма́ску. Тот вы́тянул её пони́же спи́ны сло́женной в не́сколько раз верёвкой.

Да́льше всё пошлó как по ма́слу: Тама́ра завизжа́ла и ухвати́лась за верёвку; Никита́ налетёл на Гри́шу и повали́лся вме́сте с ним на зёмлю. На по́мощь Гри́ше броси́лся Андре́й. На Андре́я, оста́вив Та́ню, напа́ла Зинаи́да, а через секунду́ ей в во́лосы вцепи́лась сза́ди поэ́сса.

— Ура́-а-а! Бей! — завопи́л Оська, почти́ совсе́м исчеза́я в ку́стах.

Весь дрожа́ от ра́дости, чу́вствуя, что наступи́ла са́мая счастли́вая мину́та в моёй жи́зни, я пойма́л в видонска́тель кучу́ малу́, кото́рая образова́лась подо мной, нажа́л на спуск и... пра́мо похолоде́л.

Ра́ньше я никогда́ не обра́щал внима́ния на то, как трещи́т мой киноаппара́т. Тóлько тепе́рь я по-настоя́щему услы́шал его́. Он тарахте́л, как пулемёт. Наверно́е, во все́м па́рке бы́ло слы́шно.

Дра́ка внизу́ прекрати́лась. Куча́ малá распáлась.

Взьёрóшенные, растрёпанные чле́ны тре́тьего зве́на по́дняли го́ловы. Оська вы́лез из ку́сто́в.

Я остано́вил аппара́т.

Глу́бокая тишина́ наступи́ла вокру́г, и в э́той глу-

бóкой тишинé семь человекó смотрéли на меня, а я глядёл свёрху на них.

— Во! Шпиóн! — сказа́л наконéц Оська.

Не спуска́я с меня́ глаз, Андре́й зачём-то обошёл вокру́г клёна. Ма́ска его́ болта́лась на шее. У него́ были раско́сые, как у кита́йца, глаза́ и под пра́вым гла́зом темнёл синя́к, набíтый, как ви́дно, ещё во вче-ра́шней дра́ке.

— Слезáй! — сказа́л он.

Я пробормота́л, что мне не́зачем слеза́ть, что мне и здесь хорошо́.

— Эй, ты! — закрича́л Оська. — Слезáй, когда́ тебе́ прика́зывают! Не слезе́шь, так мы са́ми к тебе́ заберёмся. Кувыркóм полети́шь отту́да... Никита́, Никита́! Давáй лезь на де́рево! Чего́ ты бои́шься, да-ва́й лезь!

Пятикля́сника Никиту́ мо́жно бы́ло приня́ть за восьмикля́сника — тако́й он был здоро́вый. Я посмотре́л, как он неторопли́во поплёвывает на ладо́ни, и по́нял, что мне лу́чше бу́дет спуститься́ без его́ по́мощи. Сполза́я со своего́ клёна, я стара́лся ду́мать о том, что мно́гие кинохроникёры ча́сто подверга́ются опа́сности и что я до́лжен ра́доваться тому́, что сейча́с со мной произойде́т, одна́ко ника́кой ра́дости так и не почувство́вал.

Как то́лько я спусти́лся, во́йки окружи́ли меня́ со всех сторо́н. Де́вочки молча́ли, а мальчи́шки ухвати́ли меня́ за во́рот, за рукава́ и ста́ли трясти́.

— Ты кто тако́й?

— Ты что там де́лал, на де́реве?

— Это́ что за шту́ка у тебя́? Говори́! Что это́ за шту́ка?

— Киноаппара́т, — отве́тил я чуть слы́шно.

Никогда́ я не ду́мал, что это́ сло́во на них так по-де́йствует.

Мальчи́шки сразу́ сбáвили тон.

Дрожá от рáдости, я поймáл в видоискáтель кúчу малú.

— Чего-чего? — переспросил Оська.

— Ну, кинокамера съёмочная, — повторил я.

Все притихли и переглянулись. Потом Зинаида пробасила:

— Это как такое «кинокамера»? Чтобы в кино снимать?

— Ага!

— В настоящее кино! — воскликнул Оська. — И работает? Взаправду?

— Работает...

— И ты нас снимал?!

— Снимал. Только я не за тем на дерево забрался, чтобы вас снимать. Я хотел пейзаж красивый снять, а тут пришли вы, и...

— И ты нас снял?! В настоящее кино! — ещё громче закричал Оська. — И всё получится? И всё на экране будет видно, как мы дерёмся, и всё такое?

Я кивнул.

— Во! Слышали? — ухмыляясь, сказал Никита.

— О-о-о-о-ой! — пропищала поэтесса и запрыгала на одном месте.

Затем они пристали ко мне:

— Ты когда проявишь плёнку?

— Ты нам покажешь, когда проявишь?

— Слушай! Пойдём сейчас к тебе, ладно? Ты будешь проявлять, а мы тебе помогать... И сразу нам покажешь...

Теперь, когда опасность миновала, мне стало очень досадно, что моя киносъёмка не удалась. Я сказал угрюмо:

— А чего её проявлять! Я вас и снять-то как следует не успел. Три секунды какие-нибудь...!

Вояки огорчённо притихли, но Оська быстро нашёл выход:

— Так давай мы сейчас додерёмся, а ты нас снимай. Ребята, пошли на старое место. Кто как ко-

го бил, так и продолжайте. А ты лезь на дерево, снимай!

Я сказа́л, что хочу снять настоящую кинохронику, а не спектакль и что зря тратить плёнку я не буду.

— Да ты и снимешь настоящую кинохронику, — сказа́л Андре́й. — Мы взапра́вду будем драться. Верно, ребята?

— Конечно, взапра́вду! — подхватил Оська. — Мы так друг дру́гу надаём — ты просто пальчики оближешь¹. Слушай! Тебе плёнки жалко, да? Так мы тебе денег соберём, чтобы ты новую купил. На! Держи пока. Ребята, давайте у кого сколько есть, остальное потом додадим.

Денег при себе больше ни у кого не оказалось, но все дали мне честное пионерское, что сегодня же соберут деньги и даже сами купят мне плёнку. Мне, конечно, очень хотелось поработать заряженным аппаратом, а не трещать им вхолостую. Я согласился. Все очень обрадовались и вернулись на то место, где была куча малá. Только Зинаида не пошла с остальными.

— Зина, чего ты? Иди! — позвала её Тánя.

Зинаида насупилась и пробасила:

— Не пойду. И тебе, Тánя, не советую. Было бы что другое, а в драке сниматься. Мы, Тánя, как ника́к девочки всё-таки.

— Зина, но ведь это же кино! — сказа́ла поэтэсса. — Если бы мы в жизни дрались, тогда другое дело. . . А ведь это же в кино!

Зинаида наконец согласилась. На клён я больше не полёз, а снял потасовку с земли. После съёмки мы пошли ко мне и подняли дома такой тарарам², что папа с мамой сбежали к знакомым.

¹ Пáльчики оближешь (разговорное) — то есть получишь удовольствие.

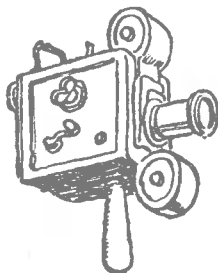
² Т а р а р á м — шум, беспорядок.

Нёсколько часо́в мы проявляли плёнку, промыва́ли, отбёливали, засвёчивали, сно́ва проявляли и фикса́ровали. Пока́ плёнка со́хла, мальчи́шки посмотре́ли мой киноаппара́т и прики́нули, кто какие́ дета́ли мо́жет доста́ть. Девчо́нки с Татья́ной во главе́ успе́ли за э́то вре́мя придума́ть тако́й киносценáрий, что, е́сли бы снять по нему́ карти́ну, потребо́валось бы плёнки на не́сколько ты́сяч рублёй.

Наконе́ц лёнта просо́хла. Я занавёсил о́кна и устано́вил проекцио́нный аппара́т. Когда́ я демонстри́ровал кинокарти́ну, зрите́ли прямо́-таки вы́ли от восто́рга, а я все губы́ себе́ от доса́ды искуса́л. Это была́ не хро́ника, а одно́ недоразуме́ние. Уча́стники пота́совки всё вре́мя смотре́ли в объекти́в, улыба́лись и так не́жно касáлись друг дру́га кулака́ми, сло́вно у них бы́ли не ру́ки, а во́доросли какие́-то. То́лько у Оськи Дробы́лкина бы́ло зве́рское лица́, и он рабо́тал кулака́ми о́чень энерги́чно, но бил он ими́ лишь по во́здуху перед собо́й.

Так зако́нчилась моя́ попы́тка снять боевúю кинохро́нику. Мото́чек плёнки мне купи́ли на сле́дующий день, но он до сих пор лежи́т неиспо́льзованный. Тако́й счастли́вый слúчай, како́й я упусти́л, ещё́ раз едва́ ли подве́рнётся. Чле́ны тре́тьего зве́на стрóят киноаппара́т, ка́ждый день бе́гают консульти́роваться ко мне и уже́ собра́ли то́нну металло́ма, что́бы купи́ть объекти́в. Их тепе́рь водо́й не разольёшь.

1957

ПЕТУХИ

В лесу, по тропинке, что вилась среди аккуратных ёлочек, брёл Паша Мочалин.

Он был одет парадно: в новенькие чёрные брюки и белоснежную рубашку с красным галстуком. Волосы его были подстрижены, приглажены и топорщились по привычке лишь в нескольких местах, однако лицо Пашино, красное, в редких, но крупных веснушках, выглядело озабоченно, сумрачно.

Он брёл медленно, глядя пустыми глазами куда-то вверх перед собой, держа в руке за спиной исписанный тетрадный листок. Брёл и угрюмо бормотал:

— Дорогие ребята! Мы, пионеры Рожновской неполной средней школы, рады... рады... это... Чёрт, забыл! Рады приветствовать вас в нашем родном колхозе. Мы уверены, что ваш приезд... ваш приезд... Обратно забыл!

Сего́дня должно́ бы́ло произойти́ исклю́чительно ва́жное собы́тие. Сего́дня к рожно́вским шко́льникам должны́ бы́ли прие́хать в гóсти ребята́ из городско́го До́ма пионе́ров, с кото́рыми Па́шин отря́д больше́ го́да вёл оживлённую переписку. Па́ше, как чле́ну сове́та отря́да, бы́ло поруче́но сказа́ть гостя́м привётственную ре́чь.

Вчера́ Па́ша до полу́ночи пы́хтел на кúхне, составля́я текст свое́го привётствия, и о́чень, как говори́тся, пережива́л. То и де́ло он вылеза́л из-за стола́ и открыва́л дверь в го́рницу, где стуча́л костя́шками счётов е́го оте́ц — колхо́зный бригади́р.

— Пап! Како́е тут сло́во поста́вить? «Дороги́е ребята́, мы о́чень ра́ды...» ну, врёде «поздорова́ться с ва́ми», то́лько не «поздорова́ться», а друго́е сло́во есть.

— Ну, пиши́: «... ра́ды привётствовать вас», — ба́сил оте́ц, не отрыва́ясь от свои́х бума́г.

— Во! Привётствовать, — удовлетворённо ворча́л Па́ша и удаля́лся.

Но через мину́ту е́го голова́ сно́ва просовывалась в дверь.

— «Ваш прие́зд помо́жет на́шей дру́жбе». Нескла́дно, да?

— Ну, хо́чешь, так напиши́: «... помо́жет укрепить на́шу дру́жбу».

— «Укрепить дру́жбу» — э́то складне́й. То́лько «помо́жет» нехорошо́. Бо́льно обыкнове́нно. В газе́тах по-друго́му пи́шется.

— Тогда́ валя́й: «... бу́дет спосо́бствовать укрепле́нию на́шей дру́жбы».

— Ага́! Во! — Па́ша энерги́чным движе́нием вски́дывал большо́й па́лец и возвраща́лся к столу́.

Наконе́ц привётствие бы́ло гото́во. Па́ша лёг спать на пёчку, где была́ е́го постель, но и тут не нашёл себе́ поко́я. Поворо́чавшись мину́т два́дцать, он сполз в

потёмках на пол и снова открыл дверь в горницу, в которой тоже было темно.

— Пап! Спишь?

— Ну что тебе?

— Как лучше: по бумажке читать или, может, выучить?

— Спи давай! Первый час уже!

— Лучше выучу. А то вдруг они без бумажки, а я — по писанному. Потом, гляди, смеяться будут...

То ли от волнения, то ли оттого, что он не выспался, зубрёжка плохо давалась Паше. С шести часов утра он слонялся по двору и бубнил слова приветствия. Когда проснулись его младшие сестрёнки и стали ему мешать своими криками и беготнёй, он удалился в лес. На душе у Паши становилось всё тревожней. Оставался какой-нибудь час до приезда гостей, а приветствие всё ещё не было выучено.

Бормоча, часто останавливаясь, чтобы припомнить забытую фразу, иногда воровато, краешком глаза, взглядывая на текст и снова пряча его за спину, Паша дошёл до узкой речки, через которую был перекинут пешеходный мостик. Слева от мостика тянулся небольшой пляж, покрытый мелким чистым песком. Будущий оратор решил искупаться, чтобы освежить утомлённую голову. Сойдя на пляж, он разделся, аккуратно повесил рубашку и брюки на ракитовый куст и бросился в воду.

Тут вдали слышались автомобильный гудок и многоголосое пение. Паша чуть не захлебнулся от испуга, подумав, что это уже едут со станции гости. Но, взглянув туда, где виднелся бревенчатый мост, он успокоился: это пели колхозницы, ехавшие на машине, груженной сеном.

Выбравшись на пляж, Паша, не одеваясь, достал из штанов листочек с текстом и продолжал своё занятие, но уже по другому методу. Вместо того чтобы

тихо бубнить себе под нос, он оглянулся, убедился, что вокруг нет ни души, и, размахивая руками, заговорил быстро, громко, с воодушевлением, так, словно его слушали человек двести:

— Дорогие ребята! Мы, пионеры Рожновской неполной средней школы, рады приветствовать вас в нашем родном колхозе. Мы уверены, что ваш приезд будет способствовать укреплению дружбы, которая завязалась у нас благодаря переписке. Дорогие ребята! Мы с интересом читали ваши письма и радовались, что у вас... и радовались потому...

Паша сбился, умолк и сердито уставился на противоположный берег реки, поднимавшийся над водой невысоким обрывом.

Там, почти вплотную к обрыву, жёлтой стеной подступила спелая рожь. По тропинке, скрытой во ржи, кто-то шёл. Сначала среди колосьев мелькала лишь серая кепка, потом показалась голова, потом — голые загорелые плечи.

— Несёт нелёгкая! — проворчал Паша.

Он сел на песок, положил текст на колени и продолжал зубрить уже вполголоса.

Путник вышел из хлебов. Это был мальчишка примерно тех же лет, что и Паша. Он шёл в одних трусах, неся под мышкой большой продолговатый предмет, завернутый в газету да ещё в середине обмотанный какой-то белой тканью.

Перейдя через мостик, он остановился, в раздумье почёсывая нос.

Паша покосился на него.

— Ещё купаться надумает. Занимайся тут! — шепнул он сам себе.

И тут же мальчишка спустился на пляж и направился прямо к Паше. Метрах в двух от оратора он бережно положил сверток на песок, сбросил кепку, снял сандалии и пошлёпал себя ладонями по груди.

— Тёплая вода? — спросил он громко.

Вместо ответа Пáша устáвился глазáми в лист с привётствием и усíленно зашевелíл губáми.

Мальчйшка посмотрёл на него с высокомерным недоумением и вздёрнул корóткий нос.

— Эй! Тёплая вода? — повторил он ещё громче.

Пáша и теперь не отвéтил.

— Ты что, глухой, да?

— Ну и глухой! А тебе что? — проворчал будущий орáтор.

— Жáлко отвéтить, да?

Пáша мёдленно поднялся:

— А вот и жáлко. Ну?

— Барáнки гну. Виновáт, простíte, пожáлуйста! Я не знал, что тут такой вáжный бáрин сидít. Я думал, здесь обыкновенный человек, а тут такая персóна, что прýмо ўжас!

— Давáй катйсь отсюда, — негромко сказáл Пáша, прйстально глýдя на мальчйшку.

Тот упёрся кулакáми в бокá:

— Что-что? Это откýда такое «катйсь»?

Пáша мёдленно поднялся:

— Давáй катйсь, говорю, с пляжа, покá цел!

— А ты его купйл, пляж? Да? Купйл?

— А вот как дам по шее, тогда будешь знать «купйл»!

— Ты? Мне?! — Мальчйшка заулыбáлся и приблизился к Пáше. — А хочешь нокáут¹ зарáботать, хочешь?

Пáша сдéлал шаг назáд, загрёб пáльцами босой ногй песок и, вскйнув ногу, очень удáчно метнýл добрую горсть его прýмо в рот мальчйшке. Секýнды три тот постоял, отплёвываясь, затём в молчáнии рйнулся

¹ Н о к á у т — в бóксе сйльный удáр, пóсле котóрого спортсмен не мóжет подняться и продолжáть борьбу.

на Па́шу. Бац! Из пра́вого гла́за ора́тора посыпались и́скры. Хлоп! И губы его ста́ли солёными. Оду́рив от я́рости, ора́тор вцепи́лся в проти́вника, шмякнулся вме́сте с ним на свёрток, принесённый мальчи́шкой, сту́кнул его не́сколько раз и, вскочи́в, отбежа́л в сто́рону, ожида́я но́вой ата́ки.

Но её не последовало. Мальчи́шка вдруг сло́вно забы́л о Па́ше. Он сел, расте́рянно огля́дывая песо́к, пото́м поша́рил вокру́г себя́ рука́ми, нащу́пал свёрток, на кото́ром сиде́л, и ёрзнул в сто́рону так бы́стро, сло́вно там была́ гадю́ка. В сле́дующий моме́нт лицо́ его покрасне́ло и скриви́лось.

— Вот отвеча́й тепе́рь. Отвеча́й! Вот отвеча́й! — запла́кал он, ты́ча па́льцем в сто́рону Па́ши.

С рассече́нной губы́ ора́тора стру́йкой бежа́ла по подборо́дку кровь, под са́мым гла́зом набуха́л здоро́венный синя́к.

— Чего́? — спроси́л он маши́нально.

— Вот тепе́рь бу́дешь отвеча́ть, бу́дешь! Тепе́рь отве́тишь! — серди́то пла́кал мальчи́шка.

— «Отве́тишь!»! — передразни́л Па́шка. — Сам меня́ во как раскровяни́л, а я отвеча́й?

— И отве́тишь! И отве́тишь! Мы рожно́вским ребя́там ска́жем, они́ тебя́ всё равно́ найдут! Они́ тебе́ пока́жут!

При упоми́нании о рожно́вских ребя́тах Па́ша насторожи́лся.

— Рожно́вские? А чего́ они́ мне сде́лают, рожно́вские?

— А того́! Гляди́, что наделе́л!

Присе́в на ко́рточки перед сплю́сненным свёртком, мальчи́шка снял с него́ бе́лую ткань, кото́рая оказа́лась рубашко́й. При э́том из неё вы́пал пионе́рский га́лстук. Мальчи́шка разверну́л газе́ту, и гла́зам предста́вилась куча сло́маных пла́ночек и клочко́в покры́той серебри́стым ла́ком бума́ги. Среди́ них поблёски-

вал бензиновый моторчик и краснела лопасть пропеллера.

— На, смотри! — снова в голос заревел мальчишка. — Шесть человек над ней месяц работали! Теперь увидишь. Теперь тебе рожновские покажут, как модели ломать да ихних гостей бить!

— Ка-а... каких гостей? — переспросил Паша внезапно упавшим голосом.

— Таких! Из городского Дома пионеров.

Паша подогнул колени и опустился на песок. Чёлость у него отвисла, он уставился на мальчишку таким взглядом, что тот даже всхлипывать перестал. Так прошло с полминуты. Пашка вдруг замотал отчаянно головой.

— Врешь! — прошептал он хрипло. — Их пятнадцать человек. Они на автобусе... Они по большому мосту должны... Не! Врешь ты всё!

— А вот и не на автобусе! Мы пеший переход решили от станции сделать. Ребята на привал остановились, а меня вперёд послали, чтобы я модель успел собрать. Чтобы рожновским ребятам её на линейке преподнести.

Паша помолчал, размазывая кровь на подбородке тыльной стороной ладони, потом на коленях подполз к мальчишке.

— Слушай... это... Постой! Ты кто будешь-то? — спросил он чуть слышно.

— Ну, староста авиамодельного кружка, а дальше что?

— Дальше? — по-прежнему очень тихо сказал Паша. — Тебя, стало быть, Юрием зовут, Самохваловым, а я Паша Мочалин, в совете отряда который... Я здесь приветствие вам учил. Вот, гляди!

Подняв с песка свой листок, Паша протянул его мальчишке.

Стоя на коленях, тот пробежал несколько строк,

потом рука его, державшая бумажку, бессильно опустилась. С минуты общественные деятели стояли на колёнах, тупо глядя друг на друга. Наконец староста авиамоделистов тихо сказал:

— Что же это мы с тобой наделали?

— Вот я ж про то и говорю: что мы наделали?

Мальчишки ещё помолчали, потом Юра поднялся и стал натягивать на себя рубашку.

— Все! — вздохнул он. — Придётся зайцем теперь добираться.

— Куда добираться? — спросил Паша.

— До города, вот куда. Все деньги у вожагого. У меня даже карманов нет.

Громко сопя, готовый снова расплакаться, Юра стал завязывать галстук.

— А ребята как? Они тебя искать будут, — заметил Паша.

— Ну и пусть ищут! — сквозь слёзы воскликнул Юра. — А как я пойду к этим самым рожновцам, когда я ихнего члена совета отряда так разделал. Ты погляди на себя. Ты-то себя не видишь, а на тебя смотреть страшно.

Паша тоже стал одеваться.

— Юр! — вдруг сказал он. — А мы знаешь чего! Мы давай скажем, будто на тебя какие-то хулиганы напали и сломали модель, а я тебя выручить хотел, и это они меня так. Ладно?

— Безнадёжно! — вздохнул староста.

— Чего безнадёжно?

— Лицо у меня такое проклятое. Сколько раз пытался врать — всё равно по нему узнают. — Он поднял с земли обломок фюзеляжа с моторчиком и пропеллером. — Проводи меня немножко, а?

— Ладно. Умоюсь вот.

Паша обмыл речной водой разбитые губы, и новые друзья двинулись с пляжа.

— Юр! А из-за чего мы подрались-то? Ты хоть помнишь?

— Из-за характера моего дурацкого. Вот... вот... вот, ну всё бы отдал, чтобы чёртов характер свой поменять! Ну что мне стоило повернуться да отойти! Дурак!

— Вот и у меня... У меня ещё хуже характер. У меня совсем нет этой самой... сдержанности. Мне отец так и говорит: «Тебе с людьми трудно будет жить!» Ну что мне стоило? Ты бы меня спросил: «Тёплая вода?» А я бы тебе ответил: «Да, тёплая, только, будь такой любезный, отойди, пожалуйста, в сторону, я тут занимаюсь». Ты бы не отошёл? Конечно, отошёл бы, когда вежливо. Правда?

Дойдя до середины мостика, Юра приостановился:

— Мы давай берегом пойдём. По дороге не надо идти, а то там наших ребят можем встр...

Он не договорил, потому что где-то совсем близко грохнул барабан и не очень мелодично взревел горн.

Из-за высоких хлебов вышли попарно десятка полтора мальчиков и девочек в белых рубашках с красными галстуками и стали спускаться к мостику, где в ужасе оцепенели староста с оратором.

— Во! Юрка ещё здесь! — Пионеры остановились на мостике, сбившись в кучу перед двумя мальчишками. — Ты что тут делаешь? Ты дороги не нашёл? А это кто?

— Это? — Юра оглянулся на Пашу. — Это так... Это... ну просто... Это вообще... — пролепетал он.

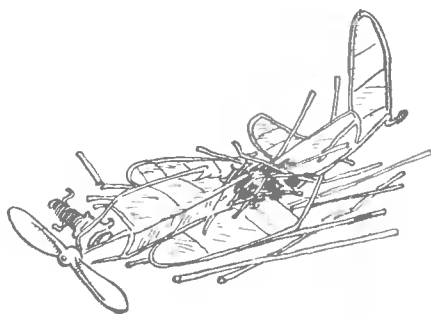
Пятнадцать пар глаз уставились на Пашу. Все молчали. И, не в силах вынести этих взглядов, этого молчания, Паша облизнул разбитую губу, вытянул руки по швам и, сам не зная зачем, заговорил громким, отчаянным, срывающимся голосом:

— Дорогой... Дорогие ребята! Мы, пионеры Рож-

новской школы, рады приветствовать... рады приветствовать вас в нашем родном колхозе... Мы... Дружба... будет способствовать... Потому что уверены... потому что мы...

Пионеры слушали очень внимательно, поглядывая то на заплывший глаз оратора, то на обломок серебрястой модели в руке у Юры.

1948

ДРЕССИРОВЩИКИ¹

В передней раздался короткий звонок. Бабушка вышла из кухни и открыла дверь. На площадке лестницы стоял мальчик, которого бабушка ещё не видела. Он слегка поклонился и очень вежливо спросил: — Извините, пожалуйста. Тут живёт Гриша Уточкин?

— Ту-ут, — протянула бабушка, подозрительно оглядывая гостя.

Сам мальчик произвёл на неё довольно приятное впечатление. Он был одет в тщательно отутюженные синие брюки и чистенькую жёлтую тенниску с короткими рукавчиками. На груди у него алел шелковый галстук, золотистые волосы его были аккуратно расчесаны на пробор.

¹ Дрессировщик — человек, умеющий обучать животных.

При всём этом он держал под мышкой очень грязную и рваную ватную стёганку, а в другой его руке был зажат конец верёвки, привязанной к ошейнику криволапой, неопределённой масти собаки с торчащей ключьями шерстью. Вот эта стёганка и эта собака заставили бабушку насторожиться.

— Скажите, а можно видеть Гришу?

— Мо-о-ожно, — после некоторого колебания протянула бабушка. Она хотела было сказать, что собак не следует водить в комнаты, что от них одна только грязь, но сдержалась и лишь добавила: — В ту дверь иди.

Однако мальчик не повёл собаку в комнату, а строгим голосом сказал:

— Пальма, сидеть! Сидеть! Пальма, кому говорить? Сидеть!

Пальма зевнула и села с выражением безнадежной скуки на бородатой морде. Мальчик привязал конец верёвки к перилам лестницы и только после этого постучал в указанную бабушкой дверь.

Гриша, коренастый, с копной тёмных взерошенных волос и суровым выражением лица, пилил в это время какую-то дощечку, прижав её коленкой к сиденью стула. Он несколько удивился, узнав в прищельце Олега Волошина, с которым он учился в параллельных классах и с которым почти не был знаком. Гриша выпрямился и, заправляя рубаху в штаны, молча уставился на гостя.

— Здравствуй, Уточкин, — сказал тот, прикрыв за собой дверь. — Ты не удивляйся, что я к тебе пришёл. У меня к тебе одна просьба.

— Ну? — коротко спросил Гриша.

— Ты мог бы помочь мне дрессировать собаку?

Гриша всегда был готов взяться за любое дело, но говорить много не любил:

— Мог бы. А как?

— Понима́ешь, я её дресси́рую на соба́ку охрáно-сторожево́й слúжбы. Я уже́ научи́л её ходи́ть ря́дом, сади́ться по кома́нде, ложи́ться... Тепе́рь я с ней отрабо́тываю кома́нду «фасс»... Что́бы она́ броса́лась, на кого́ я прикажу́. А для э́того ну́жен ассисте́нт¹, совсе́м незнако́мый для соба́ки челове́к.

— Что́бы она́ на него́ броса́лась?

— Ага́. Мы её уже́ дрессиро́вали с ребята́ми, и она́ о́чень хорошо́ на них броса́лась, но тепе́рь она́ с ни́ми перезнако́милась и бо́льше не броса́ется. А на́до закрепи́ть рефле́кс. Вот я тебя́ и прошу́. . .

Гри́ша в разду́мье почеса́л широ́кий нос:

— А е́сли покуса́ет?

— Во-пе́рвых, я её бу́ду держа́ть на поводке́, а во-вторы́х, ассисте́нт надева́ет защи́тную спецоде́жду. — Оле́г разверну́л сте́ганку и вы́нул из неё такие́ же дра́ные ва́тные штаны́. — Со мной все мальчи́шки из на́шего кла́сса её дрессиро́вали, а она́ то́лько одно́го Серёжку Ла́птева немно́жко укуси́ла. Согла́сен?

— Согла́сен. А где тво́я соба́ка?

— Я её на ле́стнице оста́вил, что́бы она́ не зна́ла, что мы с тобо́й знако́мы. Я сейча́с выйду́ с ней и бу́ду жда́ть тебя́ на Ти́хой у́лице. А ты надева́й спецоде́жду, приходи́ туда́ и подкра́дывайся к Па́льме, как бу́дто злоумы́шленник. Ла́дно?

— Ла́дно. Иди́!

Оле́г удали́лся. Гри́ша надел ке́пку и приня́лся облача́ться в спецо́вку. Это оказа́лось де́лом неле́гким, потому́ что брjóки бы́ли о́громных разме́ров. Стяну́в их ремне́м под мы́шками и завяза́в тесе́мочками у щико́лоток, Гри́ша стал похо́ж на о́чень большúю, дико́винной фо́рмы гармо́шку. Ва́тная ку́ртка, кото́рую он надел, не́сколько попра́вила де́ло: свиса́я ни́же колéн, она́ почти́ совсе́м скры́ла брjóки. Рукава́,

¹ Ассисте́нт — помо́щник нау́чного рабо́тника.

болта́вшиеся сантимéтров на двáдцать нíже кистéй рук, Грíша засúчивать не стал.

Грíше, конéчно, не хотéлось, чтóбы бáбушка уви́дела егó в такóм костю́ме, поэ́тому, прéжде чем выйти из ко́мнаты, он приоткрýл дверь и прислу́шался, а потóм уж вýскользнул из кварти́ры.

Улица Тíхая бы́ла и в са́мом де́ле о́чень тíхой úлочкой. Здесь вдоль тротуáров вкривь и вкось росли ста́рые ли́пы, за кото́рыми прятались ма́ленькие домики в одiн и два этажа́. Движе́ние тут бы́ло такóе небольшо́е, что ме́жду булы́жниками мостовóй зелене́ла тра́вка.

Придя́ сюда́, Грíша iздали уви́дел Олéга, кото́рый расха́живал по мостовóй, грóмко приговáривая:

— Рядом! Па́льма, рядом!

— Эй! — негрóмко крикнул «ассистéнт».

Дрессиро́вщик остано́вился, скомáндовал Па́льме сидéть и кивну́л Грíше головой: мо́жно, мол, начина́ть.

Ассистéнт надвину́л на нос кéпку, свирéпо вы́пятил нiжнюю чéлюсть и, слегкá приседа́я, болта́я концами рукаво́в, зигза́гами стал подбирáться к соба́ке.

Па́льма замéтила ассистéнта и, си́дя, приняла́сь разглядывать егó, склоня́я борода́тую мо́рду то впра́во, то вле́во. Когда́ Грíша прибли́зился к ней мэ́тров на де́сять, она́ подняла́сь и негрóмко зарыча́ла.

— Па́льма! Фу! Сидéть! — сказа́л Олéг.

И Па́льма неохóтно се́ла, продолжа́я ска́лить зу́бы.

Ассистéнт стал на четверéньки и то́же зарыча́л.

— Фасс! — крикнул Олéг.

Па́льма рывкнула и так стремíтельно брóсилась на Грíшу, что дрессиро́вщик éле удержáл её за верёвку.

Грíша вскочи́л и ша́рахнулся в сто́рону.

— Вида́л? — тихóнько сказа́л Олéг.

— Ага́, — так же тихо отвéтил Грiша. — Тóлько она́ и без твоего́ «фáсса» брóсилась бы... Ведь я её дразни́л.

— Тепéрь знаéшь что? Тепéрь дава́й без дразне́ния. Ты спря́чься за́ угол, а потóм выйди и споко́йно иди́ по тротуáру. И да́же не смотри́ в на́шу сто́рону. Ла́дно?

— Ла́дно!

Грiша добежа́л до перекрёстка, спря́тался за́ угол и, подожда́в там мину́ту, степéнно зашага́л по противополо́жному от Олега́ тротуáру. Вот он поравня́лся с ними... Вот прошёл ми́мо...

— Фасс!

— Рррав! Рав-ра́в!

Оберну́вшись, Грiша уви́дел, как Па́льма, натягива́я верёвку, рвётся к нему́.

— Здо́рово? — сказа́л Олэг с друго́го тротуáра. — Все́! Спаси́бо! Прове́рка сде́лана. Снима́й спецодёжду и иди́ сюда́.

Грiша снял ва́тник и, отира́я пот со лба, прибли́зился к дрессиро́вщику. Па́льма попытáлась ца́пнуть его́ за́ ногу, но Олэг прикри́кнул на неё и заста́вил сесть. Он улыба́лся, голубые глаза́ его́ блестя́ли, а лицо́ разгорéлось.

— Ви́дел? Ви́дел, что такое́ дрессиро́вка? Ты да́же не взгляну́л на неё, а она́ уже́ брóсилась!

Сто́я не́сколько поода́ль от Па́льмы, Грiша ковыря́л в носу́.

— Ну и что ж, что брóсилась! Я её дразни́л, она́ меня́ запóмнила, вот и брóсилась. И в такой одёжде она́ на ка́ждого брóсится. Вот е́сли бы она́ на ту тётеньку брóсилась, тогда́ друго́е де́ло бы́ло бы! — И Грiша указа́л глаза́ми на по́лную гражда́нку, кото́рая вразва́лочку шла по противополо́жному тротуáру, держа́ в руке́ су́мку с проду́ктами.

Олэг переста́л улыба́ться и то́же посмотре́л на

граждáнку. Когда она прошла мимо, он присёл рядом с Пальмой и, вытянув руку в направлении прохожей, тихонько скомандовал:

— Пальма, фасс!

В ту же секунду раздался звонкий лай, и верёвка дёрнула Олёга за руку.

— Пальма, фу! — Олёг с торжеством обратился к Грйше: — Ну что, а? Ну что, видел?

Только теперь Грйша уверовал в силу дрессировки. Держá под мышкой свою лохматую спецодежду, он присёл на корточки перед Пальмой и стал разглядывать её.

— Это какáя порода? Дворняжка?

— В том-то и дело, что обыкновенная дворняжка!

— Если бы овчárка, она ещё лучше бросилась бы, — заметил Грйша.

— А я, ты думаешь, для чего её дрессирую? Я выучу её, пойду в питомник, где служёбных собак разводят, покажу, как я умею дрессировать, и мне дадут на воспитание щенка-овчárку.

Грйша поднялся. Он всё ещё смотрёл на Пальму.

— Наверняка дадут? — спросил он.

— Не совсем наверняка, а просто я так думаю.

— А у нас в городе есть... эти самые... где овчáрок разводят?

— Питомники? Конечно, есть. При Досаáфе есть, при Управлении милиции есть... Я в Досаáф пойду. Вот только отработаю с ней лестницу, барьер и выдержку и пойду показывать.

— А что такое лестница, барьер и выдержка?

— Лестница — это чтобы она умела подниматься и спускаться по приставной лестнице. Барьер — это чтобы она умела преодолевать заборы, а выдержка — это так: я, например, скомандую ей сидеть, потом уйду куда-нибудь, хотя бы на полчаса, и она не сойдёт с места до тех пор, пока я не вернусь.

Болтая концами рукавов, ассистент стал подбираться к собаке.

До сих пор Гриша мало был знаком со служёбным собаководством. Он слышал, что есть собаки-ищейки, раза два он видел в кино замечательно умных овчарок, совершавших подвиги вместе с пограничниками. Но всегда ему казалось, что воспитание подобных собак доступно лишь особым специалистам.

И вот теперь он увидел, что не специалист, а простой школьник заставляет не овчарку, а самую паршивенькую дворняжку по команде садиться, по команде ходить рядом, по команде бросаться на прохожих.

С виду спокойный, угрюмый, Гриша был человеком страстным, увлекающимся. Он представлял себе, как идёт рядом с огромной овчаркой, от которой все шархаются в стороны, как он приходит с ней в школу и как на глазах у изумлённых ребят этот свирепый, клыкастый зверь по одному его, Гришиному, слову перебирается через двор, поднимается по приставной лестнице на чердак сарая и спокойно, не сходя с места, сидит во дворе, пока Гриша занимается в классе.

— Волошин, а где ты научился... это самое... дрессировать?

— Очень просто. Купил себе в магазине книжку, «Служёбное собаководство» называется, по ней и научился.

— Я себе тоже такую куплю. С собаками вот плохо... Я бы мог какую-никакую дворняжку поймать, только бабушка прогонит.

Ребята долго беседовали, стоя на краю тротуара. Олег показал Грише все штуки, какие умела проделывать Пальма. Гриша был так увлечён этим, что только раз оглянулся, услышав в отдалении неторопливые, чёткие шаги. По противоположному тротуару шёл милиционер — высокий, стройный, подтянутый, с лейтенантскими погонами. Заложив большие пальцы рук за поясной ремень, он поглядывал на ребят,

возившихся со смешной собакой, и улыбался. Олѣг тоже замѣтил милиционѣра.

— Смѣтрит, — тихо сказа́л он.

Польщённые вниманием лейтенанта, ребята снова оглянулись на него́ и тоже улыбу́лись. Тот слегка́ им подмигну́л. И вдруг Гри́ша вспомнил, что, по словам Олѣга, в Управлении милиции́ тоже ведь есть питомник. Он тихонько толкну́л Олѣга в бок и зашепта́л:

— Покажи́ ему́! Покажи́ ему́, как она́ броса́ется!

— Неудобно.

— Ну, чего́ неудобно! Шутя́ ведь. Покажи́!

Олѣг секунду́ поколебался, потом присѣл, вытянул руку́ в направлении милиционѣра и громко, чтобы́ тот слышал, крикну́л:

— Пальма, фасс! Фасс!

Пальма рвану́лась, выдернула верёвку из руки́ Олѣга и с яростным ла́ем понесла́сь к милиционѣру.

— Тика́й! — в ту же секунду́ крикну́л Гри́ша.

Что было́ дальше́ с Пальмой, ребята́ не видели. Ки́нув стѣганку на тротуа́р, Гри́ша юркну́л в ближайши́е ворота́, Олѣг бросился́ за ним.

Ребята́ да́же не разгляде́ли двора́, в кото́рый они́ забежа́ли, они́ замѣтили́ то́лько, что у забора́, справа́ от ворот, возвыша́ется больша́я полѣнница, а ме́жду полѣнницей́ и заборо́м есть щель шириной́ сантимѣтров в тридцать, е́сли не ме́ньше. Оба, слѣбно́ сговори́вшись, сверну́ли напра́во, втисну́лись в э́ту щель и за́мерли.

Через не́сколько секунд до них донесли́сь размеренные ша́ги, затѣм стук пальцев по стеклу́ окна́. Все́ э́то слышалось́ совсе́м бли́зко, почти́ у са́мой полѣнницы. Прошло́ ещё́ не́сколько секунд. Щёлкну́ла задви́жка, скри́пнула дверь. Же́нский го́лос немно́го встрево́женно спроси́л:

— Вам ко́го?

— Это ва́ши дѣти хулига́нят, соба́к на прохо́жих натра́вливают?

— Дѣ-ети? — протяну́ла же́нщина. — У нас во всѣм до́ме ни одно́го ребѣ́нка нет.

— Ни одно́го ребѣ́нка нет, а я ви́дел, как дво́е сюда́ побежа́ли. Ви́дите, что она́ мне сде́лала? Ви́дите?

— Пожа́луйста, войди́те да посмотре́йте, е́сли не ве́рите. Двор у нас проходно́й. Вон ка́литка! Наве́рно, туда́ и убежа́ли.

Не́сколько секунд дли́лось молча́ние.

— Ну, виноват. — пробормота́л наконец лейте-на́нт.

— Пожа́луйста, — су́хо отве́тила же́нщина.

Хло́пнула дверь. Шаги́ милиционерá ста́ли удаля́ться в сто́рону, противополо́жную от воро́т, и ско́ро совсе́м зати́хли.

Все́ это́ вре́мя ма́льчики простоя́ли не шевеля́сь, не дыша́, сти́снутые ме́жду кирпи́чным заборо́м и по́леньями.

— Вылезáй, — прошепта́л Грѣ́ша.

— Ти́ше ты, дура́к! — прошипѣ́л Оле́г и вцепи́лся па́льцами в Грѣ́шину ру́ку пове́ше ло́ктя. Он весь дрожа́л от испу́га.

— Вылезáй! А то верне́тся — здесь иска́ть бу́дет, — сказа́л Грѣ́ша и си́лой вы́толкну́л Оле́га из-за по́ленницы.

Не взгляну́в во двор, не поинтересова́вшись, там ли милиционер́ или нет, ребята́ вы́скочили за воро́та и со всех ног помча́лись по у́лице.

Онѣ́ остано́вились то́лько в подьѣзде Грѣ́шиного до́ма. На носу́ и щеке́ ассистѣ́нта красова́лись больш́ие сса́дины: он ободрáл лицó о по́ленья. Но́венькие си́ние брѣ́юки дрессиро́вщика бы́ли испáчканы смо́лой, к ним прили́пли ме́лкие щѣпочки и чешу́йки сосно́вой коры́.

— Вот это влипли! — медленно проговорил он, когда отдышался. — Дурак я был, что тебя послушался.

— Дурак, что верёвку выпустил, — буркнул Гриша и сел на ступеньку, подперев подбородок кулаками, надув губы.

Олег подошёл к Грише и наклонился над ним:

— Ты знаешь, что теперь будет? Думаешь, это дело так оставят? На представителя власти собак награвливать!

— И ничего не будет. Скажем, что нечаянно: показать хотели, — проворчал Гриша.

— «Показать хотели!» — передразнил Олег. — А кто тебе поверит, что показать хотели? Как ты докажешь, что хотели показать?

Гриша угрюмо молчал. На душе у него было тошно.

— А ты ещё спецодёжду потерял, — продолжал допекать его Олег. — Мне она не нужна, а знаешь, что теперь будет? Нас найти могут по этой спецовке.

— Как ещё — найти? — уныло спросил Гриша.

— А очень даже просто: приведут ищейку, дадут ей понюхать спецодёжду, и она по запаху найдёт и меня и тебя, потому что ты тоже её надевал.

Гришу совсем взяла тоска. Он встал, заложил руки за спину и, сцепившись пальцами в локти, прошёлся по площадке. Через минуту он остановился перед Олегом:

— Слушай! Давай так: если тебя поймут, ты не говори, где я живу, скажи, что не знаешь. А если меня поймут, я не буду говорить, ладно?

— Ладно. — Помолчав немного, Олег вздохнул. — Пока! Пошёл. Тут ещё уроки надо готовить...

Высунув голову из двери, он посмотрел направо, посмотрел налево и рысцой затрусил по улице, то и дело оглядываясь... Гриша поплёлся на второй этаж, в свою квартиру.

Бабушка, открывшая ему дверь, сразу заметила ссадины на его лице:

— Ишь, ободрался! Где это тебя угораздило?

— Так просто... — буркнул Гриша и прошёл в комнату.

До вечера он слонялся по квартире без дела, часто подходил к двери, со страхом прислушиваясь к шагам на лестнице, ожидая, что вот-вот раздаётся звонок и на пороге появится милиционер с овчаркой.

А на дворе, как назло, стоял чудесный сентябрьский день. На улице, под окнами у Гриши, происходил напряжённый матч между командой ребят из Гришиного дома, в которой он всегда играл вратарём, и футболистами соседнего двора.

— Гришк! Иди! Проигрываем без тебя! — кричали ему ребята, когда он выглядывал в окно.

— Не хочется, — угрюмо отвечал Гриша и отходил в глубиную комнату.

Настал вечер. Пришли папа и мама. Сели ужинать. Глядя себе в тарелку, Гриша жевал котлету так медленно, так неохотно, что мама встревожилась:

— Гришунь, что это ты скучный такой!

— Так...

Потянувшись через стол, мама пощупала ладонью Гришин лоб:

— Всегда такой аппетит у ребёнка, а тут еле жуёт.

— Похоже, с ребятами чего не поделил. Видишь, нос ему поцарапали, — сказал папа. — Верно я говорю, Григорий Иванович?

Гриша ничего не ответил. Он молчал до конца ужина и только за чаем обратился к отцу:

— Пап, вот у нас один мальчишка натравил собаку на милиционера, и она его укусила. Что ему будет, этому мальчишке, если его поймут?

— Как — что будет? Родителей оштрафуют, в школу сообщат. . . За такое хулиганство по головке не погладят.

— Это сегодняшний небось натравил, — заметила бабушка.

— Какой «сегодняшний»? — переспросил папа.

— Да приходил тут к Гришке один. С виду аккуратный такой, а с ним собака. . . ну до того отвратительная — прямо глядеть тошно.

* * *

На следующий день было воскресенье. Всё семейство собралось идти обедать к Гришиной тётке, которая праздновала день своего рождения.

Гриша хотел было сказать, что ему нездоровится, и остаться дома, но потом представил себе, как он будет томиться в квартире один-одинёшенек в то время, когда можно было бы сидеть среди весёлых тётинных гостей, кушать всякие вкусные вещи и слушать радиоблу. . .

Гриша отважился пойти. Как назло, папа, мама и бабушка решили не ехать на автобусе, а прогуляться пешком. В каждом милиционёре Грише чудился тот самый лейтенант, и он не шёл по улице, а всё время маневрировал. Едва увидев человека в милицёрской форме вперёд себя, он сразу отставал от родных и шёл за ними, почти уткнувшись лицом в папину спину. Обнаружив милиционёра сзади, он забегал вперёд и шёл так близко от родителей, что они наступали ему на пятки.

— Слушай, друг, да иди ты, как люди ходят, что ты вертишься, как заведённый! — не выдержал отец.

В этот момент шагах в пятнадцать от Гриши из какого-то магазина вышел высокий милиционёр и направился прямо к нему. Гриша не успел разглядеть

его лица, не заметил, какие на нём погоны. Он тут же спрятался в ближайший подъезд и взбежал на площадку второго этажа. Минуты две всё семейство Уточкиных стояло перед подъездом, тщетно покрывкая:

— Григорий! А ну, довольно тебе дурить! Что, маленький, в самом деле?

— Гришка, будешь озорничать, домой отправишься, слышишь?

... С не меньшими предосторожностями шёл Гриша на следующее утро в школу.

У школьного подъезда он встретил Олёга. На нём вместо синих брюк были теперь серые, вместо жёлтой тенниски была белая рубаха. На голове у Олёга сидела соломенная крымская шляпа с огромными полями, которая делала его похожим на гриб.

— Ну как? — спросил Гриша, поздоровавшись с Олёгом.

— Пока ничего. Я костюм переменял для маскировки. Видишь?

— Пальма вернулась?

— Вчера ещё. А у тебя как?

— Пока в порядке.

Прошло три дня. Никаких неприятностей за это время не случилось.

Гриша постепенно осмелел. Он снова начал играть с ребятами в футбол и уже не шарахался в подъезды при виде милиционера. То же было и с Олёгом. Скоро Гриша опять стал мечтать о воспитании овчарки и однажды, встретив во время перемены Олёга, спросил его:

— Ну как, дрессируешь?

— Нет. У меня Пальма сейчас больна.

— Чем больна?

— Да так что-то... Ничего не ест, не пьёт да всё лежит...

— Когда будешь опять дрессировать, возьми меня, ладно? Я поучиться хочу.

Дрессировщик обещал позвать Гришу, а в следующее воскресенье случилось вот что.

Папа, мама и Гриша сидели за обеденным столом. Бабушка ушла зачем-то в кухню. Вдруг раздался звонок, бабушка открыла дверь и ввела в комнату Олега. Тот тяжело дышал, не то от волнения, не то от быстрого бега. На лбу и носу его блестели мелкие капельки пота.

— Здравствуйте! — сказал он и, помолчав, добавил: — Приятного аппетита!

Затем он помолчал ещё немного, выбрал в себя воздух и вдруг выпалил:

— Уточкин, я пришёл тебе сказать, что тебе нужно делать прививки!

В комнате на секунду стало очень тихо.

— Какие прививки? — спросил Гриша.

— От бешенства. У нас Пальма заболела, перестала есть и пить, а потом ушла куда-то и пропала. Мама пошла в ветеринарную поликлинику, и ей там сказали, что у Пальмы могло быть бешенство, только тихое. Вот! И теперь мне, маме, тебе и другим ассистентам надо делать прививки.

— Та-ак! — негромко сказал Гришин папа.

— Ну, вот словно сердце чуяло! — проговорила бабушка. — Только он пришёл со своей собакой этой, так... ну словно в меня что-то стрельнуло: не бывать добра от этой собаки, не бывать!

Олег добавил, что прививки надо делать срочно, потому что Пальма могла болеть уже давно, и ушёл. Гриша расспросил отца о том, как проявляется бешенство, и после этого весь вечер бегал на кухню к крану пить воду, чтобы проверить, не начинается ли у него водобоязнь.

Он лёг спать в очень мрачном настроении, про-

снулся на следующее утро тоже не в духе. Но, придя в школу, сразу развеселился.

У школьного крыльца большая толпа ребят встретила его хохотом и громкими криками:

— Во! Ещё один бешеный!

— Привет взбесившемуся!

Оказалось, что у Олега в школе, помимо Гриши, было ещё целых тринадцать ассистентов и всем им нужно было сегодня идти на Пастеровскую станцию.

Вся школа уже знала об этом, и шуткам не было конца. «Бешеные» не обижались, а, наоборот, сами развлекались всюю. Среди школьниц нашлось несколько девочек, которые боялись подойти к помощникам Олега, считая их уже заразными. К великому удовольствию всех ребят, ассистенты на каждой перемене гонялись за этими девчонками, щёлкая зубами и страшно завывая.

По окончании уроков десятка четыре школьников задумали провожать ассистентов и дрессировщика на Пастеровскую станцию.

— Олег, командуй!.. Олег, построь своих бешеных! — раздавались крики, когда наши герои вышли на улицу.

— Бешеные! Построиться! Правое плечо вперёд, шагом марш! — скомандовал Олег.

Ухмыляющиеся ассистенты парами замаршировали по тротуару, а провожающие густой толпой последовали за ними, играя на губах весёлый марш.

Войдя во двор, где помещалась станция, ребята подняли такой шум, что все медицинские работники повысовывались из окон.

Врачи и сёстры сначала рассердились на ребят, но, узнав, что это провожают Олега, о котором они уже слышали вчера от его мамы, и что с ним четырнадцать ассистентов, они сами начали смеяться.

Провожающие остались во дворе, а дрессировщик

и его помощники вошли в помещение станции и выстроились в очередь у окошка с табличкой: «Запись первичноукушенных». Эта табличка всех ещё больше развеселила. Гриша даже выбежал во двор, чтобы сообщить ребятам:

— Мы теперь не бешеные, а первичноукушенные!

Получив от врача направление на укол, ассистенты вышли во двор. Олэг командовал: «Первичноукушенные, построиться!» — и все торжественным маршем направились в районную амбулаторию, где ассистентам и дрессировщику вприснули по порции сыворотки в животы. И, хотя уколы были довольно болезненны, всем по-прежнему было очень весело.

После прививок «первичноукушенные» и провожающие кучками разошлись по домам в разные стороны. Гриша и Олэг жили дальше всех, поэтому они скоро остались одни.

Бодро шагая рядом с Гришей, Олэг вспомнил всё пережитое за сегодняшний день.

— Мы теперь благодаря Пальме на всю школу прославились! — говорил он улыбаясь. — Хотя нам и уколы теперь делают...

— Угу, зато смеха было сколько! — вставил Гриша.

— Главное — ко всему относиться с юмором, — философствовал Олэг. — Если будешь ко всему относиться с юмором, то никакие неприятности тебе... — Он вдруг умолк, замедлил шаг и скоро совсем остановился, глядя куда-то вперёд, в одну точку. Он уже не улыбался. Лицо его побледнело и приняло самое несчастное выражение.

Гриша взглянул в том направлении, куда смотрел Олэг, и тоже весь как-то осунулся. Недалеко от них на середине перекрёстка стоял постовой милиционер низенького роста, с большими, закрученными вверх усами.

Секунд пятнадцать ребята молча смотрели на этого милиционера, потом взглянули друг на друга.

— Э-э, а лейтенант-то? — совсем тихо, упавшим голосом сказал Гриша.

Олег молчал. Ребята машинально тронулись дальше и долго шли, не говоря ни слова.

— А может, она его не покусала, — сказал наконец Гриша.

— Почём я знаю, — почти шепотом ответил Олег.

— А может, она и вовсе не бешеная, да?

Олег вдруг остановился.

— А если бешеная? А если покусала, тогда что? — вскрикнул он неожиданно тоненьким, пискливым голоском.

— Предупредить нужно, да? — глядя себе под ноги, сказал Гриша.

— А ты думаешь, не надо? Думаешь, не надо? А если человек из-за нас умрёт? Тогда что?

— Вот я и говорю: надо.

— «Надо, надо!» А как ты предупредишь? Как предупредишь? Пойдёшь и скажешь ему: «Здравствуйте! Это мы на вас собаку натравили. Теперь идите делать прививки». Так ты ему скажешь, да? Знаешь, что он с нами сделает?

Ребята подошли к крыльцу старинного особняка, украшенному каменными львами со щербатыми мордами. Олег положил на одну из ступенек свой портфель и сел на него. Сел рядом с ним и Гриша. Глаза у дрессировщика покраснели, он часто моргал мокрыми ресницами и хлюпал носом.

— Дурак я... Нет... нет, не дурак, а просто идиот, что послушался тебя, — причитал он, мотая из стороны в сторону головой. — Послезавтра папа из отпуска приезжает, а я... я ему такой подарочек... «Платите штраф рубликов двести за вашего сына».

— И ещё из пионеров исключат, — добавил Гриша.

Долго сидели дрессировщик и ассистент на ступеньках крыльца между каменными львами. Лица обоих выражали такое уныние, что прохожие замедляли шаг, поглядывая на них.

Уже давно настало время обеда, но ни Гриша, ни Олэг не вспомнили об этом.

Каждый из них с тоской представлял себе, как его задерживают в милиции, как вызывают туда ничего не подозревающих родных и как, наконец, на глазах у всего класса снимают с него пионерский галстук. И каждый чувствовал, что он не в силах вынести всё это. И каждого вместе с тем мороз подирал по коже, как только он начинал думать о лейтенанте, который мог умереть мучительной смертью из-за их малодушия.

— У него, может, дети есть, — медленно проговорил Гриша.

Олэг помолчал немного, потом сказал решительным тоном:

— До приезда папы из отпуска ничего не будем делать. Послезавтра папа приедет, я его встречу как следует, а после послезавтра пойдём и заявим.

Гриша не ответил. Олэг помолчал ещё немного и вдруг быстро поднялся:

— Нет, не могу! Уж лучше сразу, чем ещё два дня мучиться. Идём!

Гриша не шевелился. Он сидел на ступеньках, опустив голову, и молчал.

— Ну, пошли! Решили так уж решили, — сказал Олэг.

— Куда пошли? — проворчал Гриша, не поднимая головы.

— Ну, в милицию, в третье отделение. Пойдём расскажем всё, а там они уж сами найдут того лейтенанта и предупредят. Пошли!

Но Гриша и на этот раз не шевельнулся.

— А мне чего ходить? Твоя собака, ты и иди.

— Ах, так! Ну и пожáлуйста!.. Как хочешь!.. — Олэг всхлипнул. — Сам подбил меня, чтобы натравить, а теперь в кусты!.. Как хочешь!.. Пожáлуйста!.. — И Олэг, вьтáнувшись в струнку, слегкá подрагивая узкими плечáми, не оглядываясь, бьстро пошёл по тротуáру.

Тут тóлько Грйша пóднял гóлову и стал смотреть вслед удаляющемуся товáрищу. Через минúту он вскочил и рысцой догнáл дрессировщика:

— Лáдно. Пошли.

Приятели рядышком зашагáли по тротуáру. Пройдя два квартáла мóлча, Олэг грóмко, с какой-то сýдорожной увéренностью в гóлосе, заговорил:

— Вот увидишь, что нам ничегó не бóдет! Ну, вот увидишь!.. Ведь онй же должнь понимáть!.. Ведь мы же благородный постúпок. Ведь мы же емú, мóжет быть, жизнь спасаем, прáвда? Ведь онй должнь понять, прáвда?

Грйша молчáл, тóлько сопёл.

И вот онй останóвились перед подьездом, рядом с котóрым былá прибита вывеска: «Третье отделéние милиции».

— Пошли? — чуть слышно сказáл Олэг, взглянув на Грйшу.

— Пошли, — прошептáл тот.

И óба не двинулись с мéста.

— Ну, идём? — сказáл через минúту Олэг.

— Идём.

Олэг приоткрýл дверь, заглянул в неё, потóм тихóнько, слóвно крáдучись, вошёл в подьезд. Слédом за ним бочкóм протиснулся и Грйша.

Ребáта очутйлись в длíнном коридóре с двумя рядáми закрьтых дверей. Тóлько пёрвая дверь справа былá открьта. Она велá в кóмнату, разделённую на две чáсти деревянным барьéром.

Первая половина комнаты была пуста, если не считать милиционера, стоявшего у двери. За барьером у стола стоял маленький толстый лейтенант с красным лицом и что-то сердито кричал в телефонную трубку. За другим столом в дальнем углу сидел ещё один милицкий работник.

— Вам чего тут нужно? — строго спросил милиционер у двери, как только ребята сунулись в комнату.

— Нам?.. Нам... начальника... — пролепетал Олэг.

— Какого начальника? Дежурного? По какому вопросу?

— Нам по вопросу... нам заявить нужно, по очень важному...

— Дежурный занят. Посидите здесь, — сказал милиционер, пропуская ребят в комнату, и передразнил с усмешкой: — «Заявить!»

Ассистент с дрессировщиком сели на скамью с высокой спинкой. Лица их теперь стали серыми от страха, потому что толстый лейтенант, сверкая маленькими глазками и с каждой секундой всё больше распалаясь, кричал в телефон:

— А я из-за вас получать взыскания не намерен, товарищ Фролов! Понятно вам? Не намерен! Я лучше сам на вас взыскание наложу... Письмо получено. Да, да, получено, товарищ Фролов. — Лейтенант взял со стола какой-то зелёный конверт, потряс им над головой и с размаху бросил на стол. — И вы дурака не валяйте, товарищ Фролов! Маленького из себя не стройте!

Тут Гриша почувствовал, как Олэг толкнул его в бок, и услышал его взволнованный шепот:

— Дураки мы! Пойдём скорее! Ведь письмо написать можно... Напишем письмо, и всё!

Ребята поднялись.

— Всё! Кóнчены разгово́ры! Всё! — я́ростно прокрича́л то́лстый дежу́рный, трэ́снул тру́бкой о рыча́ги и, сопя́, поверну́лся к ма́льчикам: — Так! Слу́шаю вас!

Ма́льчики взгляну́ли друг на дру́га и ниче́го не отве́тили.

— Ну? Что вам у́годно? — повы́сил го́лос дежу́рный.

— Нам... мы... нам ниче́го... мы прóсто так... — пробормота́л Оле́г.

— Как э́то «прóсто так»? Гуля́ть, что ли, сюда́ пришл́и?

— Мы... мы... Пойдём, Уточкин, — бы́стро сказа́л Оле́г.

Ма́льчики дёрнули́сь бы́ло к вы́ходу, но тут же засты́ли на ме́сте, в у́жасе приоткры́в рты и вы́таращив глаза́. В дверя́х стоя́л тот са́мый лейтена́нт.

Гри́ша так и не запóмнил, ско́лько дли́лось стра́шное, леденя́щее ду́шу молча́ние. Ему́ каза́лось, что прошл́и це́лые часы́, пре́жде чем Оле́г вы́говорил сда́вленным го́лосом:

— Здра́вствуйте, това́рищ лейтена́нт!

— Здра́вия жела́ю! — отве́тил тот, взгляды́ваясь в ма́льчишек.

И вдруг дрессиро́вщик и ассисте́нт, слóвно подхва́ченные волно́й отча́яния, заговори́ли одновреме́нно, заговори́ли грóмко, бы́стро, перебива́я друг дру́га, стара́ясь друг дру́га перекрича́ть:

— Това́рищ лейтена́нт, вы... вы... нас прости́те, э́то мы на вас тогда́ соба́ку...

— Ага́... неча́янно... мы вам то́лько показáть...

— Мы её дрессиро́вали на соба́ку охра́нно-сторожево́й слúжбы...

— Он поводо́к неча́янно упусти́л. Он вам то́лько показáть, а она́ вы́рвалась...

— Мы отраба́тывали с ней кома́нду «фасс», и мы

хотѣли потѣмъ пойти́ в питѣмник и показáть, как мы еѣ дрессируѣм. . .

— Вам тепѣрь прививки на́до дѣлать. . .

— И мы хотѣли попросить, что́бы нам дали настоящую овчáрку на воспитáние, и. . .

— Потому́ она́, мѣжет быть, бѣшеная. Нам тѣже дѣлают прививки. . .

По мѣре тогѣ как дрессировщик с ассистѣнтом нес-ли эту околѣсицу, лицѣ лейтенáнта становилось всё жѣстче, всё сердитее.

— Ясно! Хватит! — вдруг крикнул он и, сунув рѣки в карма́ны брюк, большими шага́ми стал ходить́ по ко́мнате.

Ребѣята умѣлки. От них, как говоритсá, пар шѣл.

— А, ч-ч-чѣрт! — прорычáл высѣкий лейтенáнт.

Дежѣрный сидѣл, нѣзко склонив гѣлову над столѣм, и Грѣша замѣтил, как он покѣсывает гѣбы, что́бы не рассмеяться. Милиционѣр, сидѣвший в углу́, закры́л лицѣ растопы́ренными пáльцами прáвой руки́, и плѣчи у него́ дрожáли. И милиционѣр, стоявший у двѣри, тѣже сдѣрживал улы́бку.

— А, ч-чѣрт! — повторил лейтенáнт и вдруг, вы́нув рѣки из карма́нов, сжав кулаки́, остановился перед мальчи́шками. — Да вы. . . Да я вас сейчáс. . . да я. . . — вы́крикнул он грѣмко и, так и не договорив, снѣва принялся шага́ть по ко́мнате.

— Это котѣрая тебѣ брѣюки на колѣнке порвалá? — спросил дежѣрный, всё ещё глядя в стол.

Лейтенáнт не отвѣтил. Тогда́ дежѣрный пѣднял гѣлову и обратился к Грѣше:

— Так! Твой áдрес и фами́лия?

— Кузнецѣв переу́лок, дом три, кварта́ра вѣ-семь, — тѣхо отвѣтил тот.

Дежѣрный записáл áдрес на четвѣрту́шке бума́ги и посмотрѣл на Олѣга:

— Твой?

— Проезд Королёнко, дом пятна́дцать, кварта́ра оди́н.

— Так. Иди́те!

Ма́льчики напра́вились к двéри, но через два шага́ Оле́г остано́вился и оберну́лся к дежу́рному:

— Скажи́те, пожа́луйста, а что нам тепе́рь бу́дет?

— Там уви́дим. Иди́те, пока́ це́лы.

Милицеио́нер, сто́явший в двéрях, пропу́ска́я ребя́т, лего́нько щёлкнул Грíшу по маку́шке.

Очу́тившись на тротуа́ре, мальчи́шки броси́лись бежа́ть, сло́вно боя́сь, что лейтена́нт сейча́с вы́скочит и погони́тся за ни́ми. Когда́ же сверну́ли в ближа́йший переу́лок, Оле́г вдруг остано́вился, суну́л ру́ки в карма́ны брюк и прислони́лся спиной к стене́ до́ма.

— Дураки́, дураки́ и дураки́! — сказа́л он ме́ленно и негро́мко.

— Кто... дураки́?

— Мы с тобо́й дураки́: заче́м мы пра́вдашные адреса́ да́ли? Ведь никто́ не проверя́л.

Грíша в отве́т на э́то то́лько вздохну́л.

* * *

Оди́ннадцатый день Грíша ждал, что его́ роди́телей вы́зовут в мили́цию. На двена́дцатый день, когда́ он был в шко́ле, разда́лся звонóк. Бабу́шка откры́ла дверь и уви́дела стро́йного лейтена́нта в милице́йской фо́рме.

— Виновáт! Здесь живёт Грíша Уточкин?

— Зде-е-есь, — протяну́ла ба́бушка упавшим го́лосом.

— До́ма он?

— Не-е-ту... В шко́ле!..

— Разреши́те на мину́ту!..

Бабу́шка посторо́нилась, пропу́ска́я лейтена́нта в пе́реднюю, и тут то́лько заме́тила, что лейтена́нт ве-

дѣт на поводкѣ щенка-овчарку с острой мордой, торчащими ушами и высокими толстыми лапами.

— Вот, передайте ему, пожалуйста, — сказал лейтенант, вкладывая конец поводка в бабушкину руку. — На ошейнике монограмма¹ есть. И скажите, что привѣт им обоим от лейтенанта Самойленко.

Лейтенант приложил руку к козырьку и удалился.

Бабушка выпустила из рук поводок и долго стояла, уперев руки в бока, глядя на щенка, который расхаживал по передней, потягивая носом. Потом она сходила в комнату, надела очки и, вернувшись в переднюю, присела на корточки.

— Ну-ка, ты! Как тебя?.. Поди сюда! — сказала она, чмокнув губами.

Щенок подошел к ней, виляя хвостом и улыбаясь. Придерживая его за спину, бабушка нашла на ошейнике металлическую пластинку. На ней была надпись:

«Грише Уточкину и Олегу Волшину от работников 3-го отделения милиции».

— Ишь ты!.. — прошептала бабушка.

¹ Монограмма — здесь: металлическая пластинка с надписью.

«ЧЕЛОВЕК БЕЗ НЕРВОВ»

У Лоды была одна слабость: ему так хотелось прослыть храбрецом, человеком исключительным, прошедшим огонь и воду¹, что он иной раз не мог не приврать.

Когда в пионерском лагере устраивали прогулку на лодках по реке, он всем своим видом давал понять, что ему скучно катанье в «этой посудине для сухопутных крыс и маменькиных сынков». Если проходил пароход и лодки начинали покачиваться, а девочки весело и немного испуганно пищать, Лодя нарочно ещё сильнее раскачивал «эту посудину» и говорил:

— Попробовали бы вы пять баллов на Чёрном море!

¹ Человек, прошедший огонь и воду — так говорят о человеке, который многое видел, узнал, испытал сам.

— А ты пробовал?

Лодья кивал головой и рассказывал о том, как он, взяв потихоньку лодку, прошёл в пятибалльный шторм из Третьего лагеря Артека к Нижнему лагерю, чуть не разбившись по дороге о скалу Султанку.

— Ничего страшного нет. Не теряйся — и всё в порядке. Струсил — тогда играй похоронный марш, — заканчивал он.

Особенно Лодья старался поразить своей отвагой двенадцатилетнюю Машу Брыкину из второго отряда девочек. Ей он рассказывал о том, как он собственными руками задушил напавшего на него бешеного фокстерьера¹, и о том, как они с отцом заблудились однажды в пустыне Каракум и спаслись только благодаря ему, Лодиной, находчивости. Маша всему верила. Её круглое, очень смуглое лицо со вздёрнутым носом застывало от ужаса, большие карие глаза неподвижно смотрели на щуплого Лодю. Временами она перебивала рассказчика и взволнованно спрашивала:

— Нет, Лодья, ты сознайся: неужели... неужели ну вот ни капельки не было страшно?

— Что ж тут страшного! — пожимал плечами Лодья. — Не теряйся — и всё.

Маша от избытка чувств мотала головой, и толстая золотистая коса била её по плечам.

— Нет... нет, Лодья... Ты... ты какой-то особенный! Ты просто человек без нервов!

Сердце Лодии приятно замирало от таких слов. Он начинал мечтать о том, как бы на деле доказать Маше, что он «человек без нервов».

Однажды под вечер Лодье и Маше поручили сходить в соседнюю деревню и пригласить на костёр

¹ Фокстерьер — небольшая охотничья собака.

председателя колхоза, получившего звание Героя Социалистического Труда.

До деревни было километра полтора. Слева вдоль просёлочной дороги тянулось поле овса, справа, вплотную к дороге подступал лес. У самого края росли молодые светло-зелёные ёлочки; за ними, словно охраняя малышей, стояли взрослые ели с тяжёлой синеватой хвоей на опущенных ветках.

Маша то и дело замедляла шаг, всматриваясь в глубь леса.

— Угадай, на сколько тянется этот лес? — говорила она. — Не знаешь? До самой железной дороги, больше чем на двадцать километров! Евстигней Иванович, начальник лагеря, сказал, что если кто-нибудь пойдёт в этот лес без вожатых, то его сразу отправят к родным. Знаешь почему? Потому что в этом лесу не только ребята, а даже здешние колхозники иной раз плутают: кружат, кружат, а выйти не могут.

— Тот же мне лес! Ты настоящего леса не видела, — отвечал Лодя и уже обдумывал новый рассказ о своих приключениях в Уссурийской тайге.

Овёс кончился. Дорога отошла от леса и потянулась наискосок через луг. В конце луга виднелись длинные строения колхозной фермы. На лугу, шагах в пятнадцати от дороги, пасся большой чёрный с белыми пятнами бык, привязанный к стволу одинокой берёзы. Поравнявшись с быком, ребята остановились.

— Берендей, — почтительно сказала Маша.

Лодя молча кивнул.

— Его неделю тому назад в колхоз привезли. В стадо его ещё не пускают.

— Знаю. Карантин, — сказал Лодя.

— Его вся деревня боится, — снова вполголоса заговорила Маша. — На прошлой неделе, когда его вели в стойло, он лошадь забодал, а во вторник счётовод на велосипеде ехал, так он на него... Счетовод

прямо с велосипеда через забор прыгнул и поэтому остался живым.

Всё это Лодя уже знал. Знал он также, что Берендей не подпускает к себе ни одного из работников фермы и что ладит с ним лишь колхозный зоотехник, который и привёз Берендея откуда-то из-под Ярославля.

Берендей перестал щипать траву, приподнял голову и, стоя боком к ребятам, следил за ними блестящим немигающим глазом.

— Идём, — сказала Маша. — Он чего-то смотрит на нас...

Лодя побаивался коров, а о быках и говорить нечего. Именно поэтому он не двинулся с места.

— Лодя, идём! Видишь, он смотрит на нас.

— Не бойся. Не с такими дело имёл.

Какое он имёл дело с быками, Лодя ещё не придумал, но Маша его и не спрашивала. Она только смотрела то на шуплого Лодю в широких и длинных, не по росту, трусах, то на здорового быка, у которого чёрная лоснящаяся шкура туго обтягивала каждый мускул.

Бык, по-видимому, был надёжно привязан к берёзе. Лодю очень хотелось удивить Машу своим невероятным самообладанием. Он озабоченно сдвинул брови и сказал:

— Похоже, что верёвка возле рогов перетёрлась.

— Ой!.. Лодька, правда?

— Да. Я сейчас проверю. Отойдёшь подальше на всякий случай.

— Лодька, вернись! Нет, это прямо сумасшедший какой-то! — закричала Маша, пятясь назад по дорожке.

Лодя не обратил на этот крик никакого внимания. Размеренной поступью он приближался к быку. Берендей повернулся рогами к Лодю и с шумом выдох-

нул вóздух: «Хух!» От ётого «хух» у Лóди срáзу ослабёли нóги. Он уголкóм глáза посмóтрёл на Мáшу. Та стояла ужé вóзле сáмого лéса и кричáла:

— Лóдя, не нáдо! Лóдя, что ты дéлаешь?!

Ёто подбóдрило Лóдю. Он сдéлал ещё нéсколько, на ётот раз óчень нерóвных шагóв и остaновíлся в полúтора мётрах от быкá.

Берендéй опустíл рогá, сíльно удáрил себя хвостóм по бóку, и снóва послýшалось: «Хух!»

— Но-но́ у меня!.. Ты не óчень-то! — слáбеньким голоскóм сказáл Лóдя и сдéлал бочкóм ещё одíн шаг.

Берендéй крутнóл головóй, слóвно желáя стряхнóть верёвку, двойнóй восьмёркой оплетáвшую рогá, и двíнулся к Лóде. Одрáко верёвка натянóлась и вывернула ему́ гóлову так, что одíн глаз стал смóтреть в зёмлю, а другóй — в нéбо. Бык замычáл протя́жно и раскáтисто. Мáша завизжáла. У Лóди чтó-то сжáлось в животé. Он бýло собрáлся удрáть, но увíдел, что бык стоíт в прёжном положéнии и верёвка крёпко дёржит его́.

«Дотрóнись до мóрды и уйдú!»

Лóдя снóва бочкóм приблízился к Берендéю, сíльно вы́тянул лéвую рúку, и, заíскиваяще приговáривая: «Бýченька, бýченька...», ткнул «бýченьку» указáтельным пáльцем в мýгкий тёплый нос. Берендéй не шевельнóлся. Лóдя рáзом осмелёл.

— Но-но́! Не на тогó напáл, — сказáл он грóмко, чтóбы Мáша моглá услýшать, и снóва ткнул быкá в нос, на ётот раз кулакóм.

Берендéй неуклю́же попя́тился. Тепéрь мóжно бýло с достóинством уйтí. Лóдя повернóлся и напра́вился к Мáше, старáясь не спешítь и не оглáдываться наза́д. Не оглáдываться бýло óчень трóдно, потому́ что сзáди слýшалась какáя-то тяжёлая возня́. Одрáко Лóдя не повернóл головы́. Он дáже изобрáзил на

своём лице беспечную улыбку. Так он прошёл примерно половину пути. И вдруг он увидел, как Машино лицо перекосилось, услышал, как она взвизгнула не своим голосом, увидел, как её словно ветром сдуло и понесло по дороге к лагерю. Лодина голова сама собой повернулась.

Берендей, опустив рога, ровной рысцой бежал к нему.

«Человек без нервов» не пискнул, не издал ни звука. В голове его мелькнуло: «Бежать!», а ноги уже пронесли его метров десять по направлению к лесу... Потом он подумал: «Спрятаться!», а сам уже секунду лежал под ветками огромной, разлапистой ели, рощими почти у самой земли. Больше Лодя ни о чём не думал, только ждал, что бык сейчас доберётся до него и забодает...

Но Берендей не появлялся. Долго, очень долго Лодя лежал пластом на сухих еловых иглах, потом приподнял голову и прислушался. Кругом было тихо. Трудно сказать, сколько времени длилась эта тишина: то ли пять минут, то ли полчаса. Наконец где-то совсем близко прозвучал тихий, прерывающийся голос:

— Лодя!.. Лодя, где ты? Лодя!

«Человек без нервов» выполз из-под ели, с трудом продрался сквозь густые заросли молодняка, которых он не заметил, спасаясь от Берендея, и очутился на дороге.

Маша стояла в трёх шагах от него. Круглое лицо её покраснелось, ресницы слиплись от слёз, от гладкой причёски отделилось множество тонких прядок, которые слегка шевелились и поблёскивали золотыми искорками. Лодя, наоборот, был бледен. Через нос и правую щеку его тянулась большая ссадина. Труссы, рубашка и всклокоченные пепельные волосы были унизаны сухими еловыми иглами.

Мáша дóлго рассмáтривала егó, потóм глубокó вздохнóла:

— Я уж дóмала, ты погíб.

Лóдя постарáлся улыбнóться.

— З-занýтное приключéние! — вóдавил он, чуть заикаясь.

Оба помолчáли, рассéянно оглáдываясь по сторо- нáм. Ни на дорóге, ни в дерéвне, ни на лугу нé было вíдно ни душí.

Вдруг на лицé у Мáши снóва появилóсь испуган- ное выражéние:

— Лóдька! А Берендéй! Где Берендéй?

Лóдя равнодúшно махнóл рукóй в стóрону лéса:

— Там гдé-то.

Мáша подошлá поближе и посмотрéла емú в глазá.

— Лóдька, ты понимаéшь, что ты надéлал? Пони- маéшь? — сказáла она́.

Лóдя молчáл.

— Он же в лес ушёл! Он же пропадёт! — почти крíкнула Мáша.

Тóлько тепérь Лóдя увíдел другóу стóрону всей éтой истóрии. Из-за негó сорвáлся с прívязи племен- ной колхóзный бык. Бык мóжет уйтí далекó в лес, мóжет заблудítься, погíбнуть... Плéчи у Лóди опустí- лись, лицó вóтянулось.

— Вот что ты надéлал!

Мáша постояла в раздúмье, зажав зубáми кóнчик пионёрского гáлстука, íскоса, ужé без всякого восхи- щéния поглáдывая на «человéка без нёрвов». Потóм она́ крúто повернóлась и скрýлась средí молодых ёлочек. Лóдя пошёл за ней.

Лес был нерóвный. Плóтные зáросли éлей похо- дíли на материкí и островá. Мéжду нíми бóхтами и пролívами зеленéли лужáйки с пушíстыми шарика- ми одувáнчиков. Мáша как бóдто забýла свой страх

перед Берендеем, забыла и о том, что в этом лесу можно заблудиться. То ей слышался треск сухой ветки, и она бежала на этот звук. То ей казалось, что за деревьями что-то шевелится, и она шла в противоположном направлении, продираясь сквозь колючий ёльник.

Лодя всюду следовал за ней и думал: что они будут делать с Берендеем, если даже найдут его? Ведь ни он, ни Маша не решатся подойти к быку и на двадцать шагов. Не лучше ли пойти в правление колхоза и рассказать обо всём? Но как рассказа́ть? Неужели так прямо и заявить: «Дорогие товарищи! Я выпустил вашего быка, и он ушёл в лес. Пойдите поищите его». Нет! Уж лучше продолжать поиски, а там видно будет.

Постепенно Лодя ободрился и стал разглядывать траву, надеясь обнаружить следы Берендея. Но трава была невысокая и такая упругая, что Лодя даже собственные следы различал с большим трудом.

Так они петляли по лесу, пока не заметили, что одуванчики на больших лужайках стали красными от лучей заходящего солнца, а на маленьких лужайках, окружённых ёлями, сделалось тускло и серо.

— Лодька!.. Что ты наделал! Ты понимаешь, что ты наделал? — десятый раз повторяла Маша.

— В колхоз нужно идти. Заявить, — упавшим голосом ответил «человек без нервов».

Усталые, унылые, они побрели обратно. Маша неуверенно говорила, что им нужно идти правей. Лодя так же неуверенно предлагал забрать немного влево. На душе у каждого становилось всё тревожней и тревожней.

Скоро, однако, в деревьях показался просвет, и ребята вышли к прямой, широкой просеке, на которой то здесь, то там росли приземистые кусты можжевельника. Маша сразу повеселела:

— Ой! Это же та самая! Она к лагерю ведёт!

Маша раздвинула ветки, вышла на просеку, посмотрела влево, повернулась, посмотрела вправо... и поплылась.

Лодя подошёл к ней и тоже взглянул направо: на просеке, шагах в пятидесяти от ребят, пасся Берендей.

Маша вцепилась в Лодину руку чуть повыше локтя и, не спуская боязливых взволнованных глаз с Берендея, прошептала:

— Лодька, никому в колхозе не говорить, что это он из-за тебя сорвался!

— Вот ещё! Буду я прятаться! — прошептал Лодя, тоже внимательно следя за быком.

— Лодька, тебе ничего не будет, потому что ты мальчишка, а для вожатых — неприятности.

Лодя помолчал. Маша ещё крепче впиалась в его руку:

— Лодька, дай мне честное слово, что не будешь близко к нему подходить!

— А что?

— Я сейчас побегу в лагерь, а оттуда в колхоз... А ты оставайся здесь и никуда его не пускай, пока люди не придут. Только близко не подходи. Ладно?

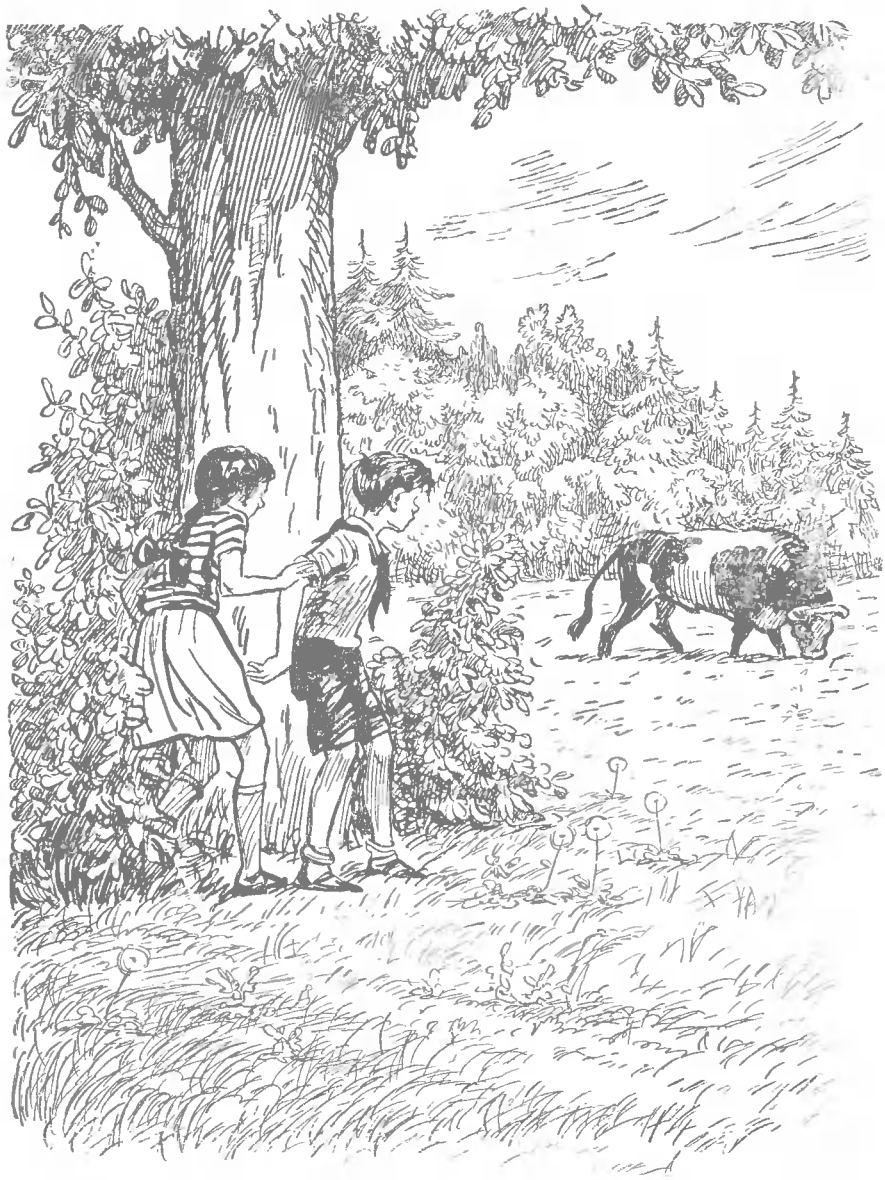
— Л-ладно, — вяло ответил Лодя, тоскливо глядя на быка, на тёмные стены ёлей, сходившиеся вдаль, на большое красное солнце, которое садилось в конце просеки.

— А если он всё-таки уйдёт, то иди за ним и кричи всё время «ау». Мы по голосу тебя отыщем. Хорошо?

Лодя только молча кивнул.

— Пока!.. Ой, Лодька, я бы на твоём месте со страху померла!

Маша пустилась бежать. Малиновая от заката кофточка её ещё долго мелькала среди низких кустов.

На прѣсеке, шагахъ в пятидесяти от ребят, пасся Берендей.

На прѳсеке стояла тишина. Никогда ещё Лѳдя не чувствовал себя таким одиноким.

Он поднял с земли большую сухую ветку и стал обламывать с неё сучки. Он понимал, что палкой от быка не спасёшься, но всё же с нею было как-то спокойней.

Один из сломанных сучков треснул так громко, что Берендэй поднял голову.

Лѳдя спрятался за ближайшую ёлку. Несколько секунд бык прислушивался, потом он зашагал по прѳсеке в сторону, противоположную той, куда убежала Маша. Лѳдя думал, что он отойдёт немного и снова примется за еду. Но Берендэй продолжал идти, слегка покачивая белым хвостом с грязной кистью на конце. Обрывок привязанной к рогам верёвки волочился за ним по траве.

«Уходит! Уйдёт!..» — подумал Лѳдя и побежал за быком.

— Берендэй! — вскрикнул он.

Берендэй всё шёл. У него был такой вид, словно он знает, куда и зачем идёт, и знает также, что путь предстоит далёкий. Лѳдя пришёл в такое отчаяние, что ещё ближе подбежал к быку и снова крикнул:

— Берендэй!

Берендэй остановился и посмотрел на Лѳдю через плечо. Тот застыл на месте.

Берендэй медленно повернулся всем корпусом на сто восемьдесят градусов. Лѳдя слегка присел. Берендэй подхлестнул себя хвостом и шагом двинулся на Лѳдю. «Человек без нервов» большими скачками понёсся в ёльник.

Когда он снова выбрался на прѳсеку, быка на ней не было. Лѳдя радуясь двинулся вперёд и услышал, как недалеко в лесу шелестят ветки. Лѳдя пошёл на этот шорох и скоро увидел среди хвои белый хвост Берендэя.

Сно́ва нача́лись блужда́ния по лужа́йкам и прога́-
линам. Постепенно дере́вья становили́сь черне́й и как
бу́дто вы́ше, а трава́ из зелёной преврати́лась в тём-
но-се́рую. Приближа́лась ночь. Беренде́й шёл все́
да́льше и да́льше. Иногда́ он оста́навливался и мыча́л
глу́хо и трево́жно. На не́котором расстоя́нии за огро́м-
ным быко́м сле́довала ма́ленькая фигу́рка с коря́вой
па́лкой в рука́х. Фигу́рка всхли́пывала и вре́мя от
вре́мени принима́лась крича́ть:

— Ма́ша-а! Э́й, Ма́ша-а!

Никто́ не отзы́вался.

Но вот е́льник ко́нчился. Беренде́й пересёк у́зкий
луг и пошёл к поло́гому бугру́, где росли́ ре́дкие вы-
со́кие, как ма́чты, со́сны и белели́ то здесь, то там
ство́лы берёз. На скло́не э́того бугра́ Беренде́й оста-
новил́ся и о́пять замыча́л о́чень ти́хо, сло́вно боя́сь,
что его́ услы́шат. Постепенно́ настороже́нность его́ ис-
чезла, голова́ пону́ро опу́стилась. Через не́сколько ми-
ну́т он лёг спиной́ к Ло́де и стал похо́ж на большо́й чёр-
ный валу́н, обли́тый в не́скольких места́х изве́сткой.

Ло́дя сел на широ́кий, вла́жный от росы́ пенёк. Его́
та́почки промо́кли. Он си́льно замёрз и о́чень хоте́л
есть.

В голове́ бы́ли са́мые безра́достные мы́сли. Что,
е́сли они́ оши́блись, ду́мая, что про́сека вы́ведет Ма́шу
к ла́герю? Что, е́сли э́то кака́я-нибудь друго́я про́сека
и Ма́ша заблуди́лась, и́дя по ней, и колхо́зники и́щут
сейча́с быка́ где-нибудь дале́ко отсю́да? С рассвётом
Беренде́й сно́ва начне́т кружи́ть по́ лесу. И́дя за бы-
ко́м, мо́жно проплута́ть без пи́щи, без тёплой оде́жды
и день, и два, и це́лую неде́лю, мо́жно, наконёц, по-
ги́бнуть в тако́й глуши́, где никто́ и косте́й не най-
де́т! . .

Ло́де о́чень захоте́лось вста́ть и уйти́. Ведь Ма́ша
не ска́жет, что э́то он вы́пустил быка́, а сле́дователь-
но, и отве́чать ему́ не приде́тся. Но то́лько Ло́дя по-

думал об этом, как на душе его сделалось невыносимо мерзко.

А что, если Маша не заблудилась? Что, если его сейчас ищут десятки колхозников, вожа́тые, старшие пионеры? Может, все они только и надеются, что он, Лодя, не струсит, задержит быка́. И, уж конечно, Маша-то уверена, что он не подведёт. . .

Лодя по́нял: если он сейчас покинет Берендея, то никогда́ потом не избе́жится от презрения к самому себе.

Лодя встал со своего́ пня и подошёл поближе к Берендею. Уже́ совсе́м настала́ ночь. Луна́ не всходила́, но не́бо было по-лётному́ све́лое, с чуть́ заме́тными звёздами.

Лодя смог разглядеть рога́ Берендея, торча́вшие из-за чёрной круто́й спины́, и привязанную к ним верёвку, ко́нec кото́рой теря́лся в траве́. Лодя вспомнил, как э́та верёвка волочи́лась за быко́м во вре́мя блужда́ний по́ лесу. Длино́й она́ была́ метра́ в три, мо́жет быть бо́льше.

Лодя перевёл взгляд на то́нкую со́сенку, во́зле кото́рой лежа́л Берендей. Хорошо́ бы набра́ться хра́брости, подкра́сться к быку́ и привяза́ть его́ к э́той со́сенке! Тогда́ мо́жно быть уве́ренным, что Берендей не уйдёт, если, конечно́, его́ о́пять не раздра́нить. Но тут Лодя предста́вил себе́, как он подкра́дывается к Берендею, а тот вска́кивает и броса́ется на него́. Спря́таться не́где: то́лько пни да ре́дкие дере́вья с гла́дкими ствола́ми. Лодя бежи́т, а бык всё́ бли́же, бли́же. . .

До́лго стоя́л «челове́к без нерво́в» как вко́панный, не спуска́я гла́з с верёвки на рога́х Берендея́. Ско́лько раз он расска́зывал о сво́их вы́думанных по́двигах! Ско́лько раз он мечта́л о том, как он соверши́т э́ти по́двиги в действите́льности! И вот тепе́рь, когда́ ну́жно соверши́ть не по́двиг, а про́сто сме́лый посту́пок, он. . .

Сёрдце у Лóди вдруг прерывисто заколотилось, хóлод куда́-то исчёз, ему́ стáло дúшно. Лóдя рещи́лся...

Мáленькими, чуть замётными шажкáми, то и дéло останáвливаясь и задёрживая дыхáние, он нáчал подкрáдываться к Берендéю.

Чем б́лиже он подходи́л к быкú, тем шажки́ станови́лись корóче, а останóвки продолжителънее. Вот до Берендéя остáлось каки́х-нибудь пять мётров.

Мину́ты через две ёто расстояние сократи́лось до трёх, ещё через нёсколько минут Лóдя стоя́л вóзле сóсенки, так б́лизко от быкá, что мог бы дотяну́ться до него́ своёй пáлкой, котóрую он держáл в руке́, сам не зная́ для чегó.

Берендéй не дви́гался. Лишь окрúглые бокá его́ слегкá подымáлись и опуска́лись от дыхáния. Лóдя по-прéжнему ви́дел тóлько рогá да ещё бёлые úши быкá и не ви́дел его́ головы́, повёрнутой в стóрону и скры́той за тóловищем.

Лóдя пошáрил глазáми в травё, отыскивая верёв-ку. Ему́ повезло́: конёц верёвки лежáл недалекó от его́ ног. Не сходя́ с мёста, Лóдя óчень мёдленно присёл, бесшúмно положи́л в травú пáлку и дотяну́лся руко́й до верёвки.

Потóм он нáчал так же мёдленно подымáться. Верёвка тащи́лась за его́ руко́й, и травá хотя́ óчень тiхо, но всё-таки шуршáла.

Уши Берендéя шевельну́лись. Лóдя зáмер, согну́вшись в три погiбели, но тут же пóнял, что дóлго так вiстоять не смóжет. Он потяну́л верёвку к себе́, в одну́ секúнду обмотáл её вокрúг сóсенки и сдéлал пёрвый úзел.

Берендéй поверну́л гóлову. Лóдя знал, что верёвка развя́жется, ёсли он не сдéлает вторóго узлá. Он отчáянно заторопи́лся, рúки его́ трясли́сь, он смотре́л ужé не на верёвку, а на Берендéя и поётому дóлго не

мог просунуть конёц верёвки в петлю. Наконец он затянул узел и побежал.

За его спиной раздалось страшное «хух», бык вскочил на ноги. Лодя слетел с бугра, перенёсся через луговину и остановился лишь тогда, когда добежал до милого его сердцу ёльника.

Берендей стоял на прежнем месте. Через несколько минут он снова лёг. Лодя вернулся на бугор и увидел, что верёвка, которой он привязал Берендея, целá.

Удивительная лёгкость охватила «человека без нервов». Голод, холод, мокрые от росы тапочки — всё казалось теперь пустяками. Тёмный, безлюдный лес вдруг сделался уютным и ласковым.

Лодя опять спустился на луг и стал расхаживать по нему, дожидаясь рассвета, громко насвистывая «Марш тореадора» и дирижируя себе обеими руками.

Скоро, однако, он заметил, что к его свисту иногда примешивается какой-то посторонний звук. Он прервал свой концерт, прислушался, понял всё и протяжно закричал:

— Эй, сюда-а!

Пока люди, искавшие Лодю, наконец добрались до него, стало заметно светлее.

Первыми вышли из леса две девушки-колхозницы и пионервожатый Дима. Потом в другой стороне появился курчавый парнишка лет восемнадцати. Он вёл под уздцы неосёдланную лошадь, на которой сидела Маша, одетая в пальто.

Все окружили Лодю, что-то говорили, перебивая друг друга, а Маша, не слезая с лошади, тараторила о том, что прёсека оказалась не та и что она лишь в одиннадцать ночи попала в лагерь.

Курчавый парнишка оказался колхозным зоотехником. Он подошёл к поднявшемуся с земли Берен-

дею, и тот потянулся губами к карману его пиджака, из которого торчал кусок хлеба. Угощая хлебом Берендея, зоотехник обернулся к Лодя:

— Это ты его привязал?

— А кто же ещё? — пожал плечами Лодя.

— Храбрый ты, однако!

Девушки удивленно заохали, а Маша замотала головой:

— Нет, Лодька, нет! Я всегда говорила, что ты сумасшедший! Ты не знаешь, какой ты сумасшедший!

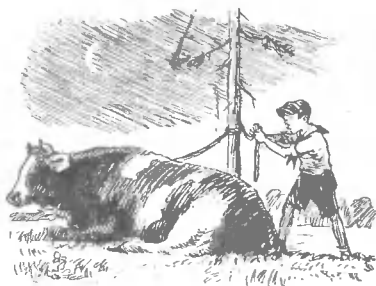
Зоотехник отвязал быка и потащил его за собой.

— Нет, — восклицала Маша, — нет, Лодька, ты только скажи: что ты чувствовал, когда привязывал Берендея? Неужели ну вот ни капельки, ни капельки не было страшно?

Лодя с минутой молча шагал рядом с конём, потом поднял голову, посмотрел на Машу и медленно отвётил:

— Что чувствовал? Чувствовал, как все поджилки трясутся. Вот что чувствовал!

1950

БЕЛАЯ КРЫСА

Боря трубил в горн. Лёня бил в барабан. За ними шли Вава и Дима, а впереди выступала звеньевая Тania Закáтова.

Лоб её был перевязан бинтом (она недавно упала с дёрева), на затылке торчала тёмная метёлочка волос. Эта метёлочка резко дёргалась, когда Тания оглядывалась на звенó.

— Вава! Почему не в нóгу?.. Димка! Отстаёшь!

Дело было серьёзное: Тания Закáтова несла пакет с óчень вáжным послáнием. В óтом послáнии сообщáлось, что «карбиды», то есть пионерлáгерь завóда «Карбид», вызывáют на спортívную игру «трикотáжей» — пионерлáгерь трикотáжной фáбрики № 2.

Неторопливо, торжественно шагало звено через маленький лес, разделявший оба лагеря. Трещал барабан, ревел горн, и с освещённых заходящим солнцем деревьев то и дело шархались в небо испуганные стаи грачей.

Дорога вышла из леса на большую поляну. В конце её стоял белый дом с башенками и остроконечной крышей. Ребята видели, как «трикотажки» сбегаются на линейку.

— Ждут! Знают, в чём дело! — сказала Таня. — Вавка, опять не в ногу!.. Димка, поправь галстук!.. Раз-два-три-четыре! Раз-два-три-четыре!

Они вошли в калитку и замаршировали мимо неподвижных рядов «трикотажки». Возле мачты с флагом их поджидал председатель совета лагеря Миша Бурлак. Таня остановилась перед ним.

Смолкли горн с барабаном. Стало совсем тихо. Председатель, толстый, солидный, исподлобья поглядывал на представительницу «карбидов», а она, тонконогая, худенькая, настороженно смотрела на председателя.

Что-то странное было в поведении председателя. Он старался стоять смиренно и сохранять обычную солидность, но время от времени делал какие-то непонятные движения: то поводил плечами, то вдруг выпячивал живот, то совсем убирал его. Таня передала ему пакет, заклеенный смолой. Бурлак взял его и почему-то поднял правую ногу, согнув её в колене.

На линейке зашептались.

Председатель вскрыл пакет. Он опустил ногу, согнулся, точно у него болел живот, и стал торопливо читать дрожащим голосом, то и дело сбиваясь:

— «Отважным трикотажкам от отважных карбидов.

Уважаемые храбрые трикотажки!

Мы, ваши соседи, отважные карбиды, предлагаем

вам помериться лóвкостью, выно́сливостью и смека́лкой в большо́й игре. Игру́ предлага́ем нача́ть за́втра, с восьми́ часо́в утра́, и вести́ её до по́лно́й побéды той или друго́й сторо́ны.

Усло́вия игры́ вам изве́стны.

Примите́ завере́ния в большо́м к вам уваже́нии. . .»

Ми́ша чита́л, но никто́ не слу́шал его́. Вы́таращив глаза́, все смотре́ли на ле́вую но́гу председа́теля: из коро́ткой штаня́ны его́ трусо́в ме́дленно выполза́ла. . . бе́лая кры́са.

— «. . . Примите́. . . примите́. . . завере́ния. . . в большо́м к вам. . .»

Кры́са упала́ живото́м на зе́млю, расста́вив коро́ткие ла́пы. И в ту же секунду́ отча́янный визг разда́лся над линейко́й. Два «трикота́жа», сб́итые с ног, покати́лись на зе́млю. Чья́-то фигу́ра мелькну́ла над заборо́м и скры́лась за ним. Нача́лся переполо́х. Полторы́ со́тни ребя́т окружи́ли председа́теля сове́та.

— Пусти́те-ка! В чём тут де́ло? Бурла́к, что произошло́?

Раста́лкивая ребя́т, к Бурлаку́ подошёл ста́рший вожа́тый.

— Ни в чём не де́ло! — бормота́л председа́тель. — Я её прóсто сунул за па́зуху, а она́ — в трусы́ и на зе́млю. . . А э́та чего́-то испуга́лась. . .

— Та́ня! — позва́л вожа́тый.

Над заборо́м показале́сь забинтова́нная Та́нина голова́ на то́нкой ше́е. Она́ угрю́мо уста́вилась на вожа́того.

— Чуда́чка! Чего́ испуга́лась? Иди́ сюда́!

— Не пойду́, — отве́тила Та́ня.

Босоно́гие «трикота́жи» запы́ргали и захихика́ли:

— Труси́ха! Кры́сы бо́ятся! От кры́сы удра́ла!

— Да, бою́сь, — отве́тила Та́ня. — Пе́тр Пе́рвый хра́брым челове́ком был, а тарака́нов бо́ялся!

Вожáтый пóднял крýсу и показáл её Тáне:

— Ну, Пётр Пёрвый, я её уношú. Иди сюда!

... С кúслыми лúцами пустúлись «карбúды» в обрáтный путь. До кáлитки их провожáли весёлые «трикотáжи»:

— С самúм Петрóm Пёрвым зáвтра воюем!

— Пусть крýса нас сторожит! Ни одúн карбúд не трóнет!

До лéса за нúми бежáл какóй-то мáленький мальчúшка. Приплясывая, он пищáл:

— Пётр Пёрвый, а Пётр Пёрвый! Пётр Пёрвый!

В лесú Лёня легóнько стúкнул мальчúшку барабáном по головé, и тот побежáл домóй.

— Оскандáлились! — проворчáл барабáнщик. — Тóже ещё звеньевáя! Крыс бойтcя!

— Что-о? — Тáня срáзу остановúлась и повернúлась к нему. — Что ты сказáл?

Крéпкий, коренáстый Лёня мóлча попятúлся.

— А нú-ка, перепрúгни!

Дорóгу пересекáла глубóкая канáва, через котóрую был перебрóшен мóстик. Лёня пробормотáл:

— Охóта былá нóги ломáть!

Тáня сошлá с дорóжки, разбежáлась и, перелетéв через канáву, упáла на противоположной сторонé.

Бóльше никто не роптáл на звеньевúю. Шли мóлча и бúстро. Впередú бýло ещё одно óчень вáжное дéло.

* * *

Настáла ночь. Заснúли «трикотáжи» в своéй дáче с остроконéчными бáшнями. Погáсли огни в деревéнской шкóле, где жúли «карбúды». Яркая кособóкая лунá поползлá по мерцáющему нéбу, и верхúшки деревьев в мáленьком лесú засветúлись голубовáтым свéтом.

Внизú, под деревьями, бýло темнó и тúхо. Осторожно, в молчáнии пробирáлась сквозь зáросли пя

тёрка разведчиков. Тánя шла впередí, держа́ под мышкой фанёрный ящик с самодельным телеграфным аппара́том. Ва́ва несла́ рюкза́к с провизией, а её брат Дíма, такой же ма́ленький и курча́вый, как она́, крѣпко прижимáл к себѣ четвертну́ю буты́ль с кипячёной водо́й. Сза́ди всех двíгались Бóря и Лѣня. Согну́вшись и сдѣржанно кряхтя́, о́ни тащíли большúю кату́шку с про́водом. Кату́шка мѣдленно вертѣлась, чуть поскрíпывая в ночнóй тишинѣ, и чѣрный сапѣрный про́вод ложíлся на мо́крую от росы́ траву́.

Шли о́чень мѣдленно. Вѣтки цепля́лись, невидимые коря́ги хвата́ли за но́ги, какие-то прутья́ бо́льно хлестáли по голо́вам. Кро́хотный лесóк, такой ую́тный днём, тепѣрь глу́хо ворча́л сухím валѣжником под но́гами и не хоте́л пропускáть.

Исцара́панные, о́ни вы́шли из лѣса на край ма́ленького овра́га, на дне котóрого журча́л ручѣй. Срáзу же за овра́гом возвыша́лся холм. На вершíне его́, чѣтко выделя́ясь на мерца́ющем небе́, чернѣли три столба́ от сгорѣвшей сторо́жки и двускáтная кры́ша забро́шенного по́гребá.

Тánя спусти́лась в овра́жек и перешлá по камнѣм ручѣй. За ней пошѣл Дíма. Он стал на ка́мень посре́дине ручья́, выбира́я, куда́ бы шагну́ть дáльше, но вдруг зашатáлся, согну́лся и бы́стро вы́прямился. Разда́лся звон. Дíма, опу́стив ру́ки, засты́л.

— Разбíл! — тихо́нько вскри́кнула Тánя.

— Упáла, — отвѣтил Дíма.

— Шля́па!

«Карбíды» шѣпотом ста́ли бранíть Дíму. Потóм Бóря сказа́л, что ну́жно сходи́ть в ла́герь и принести́ другúю буты́ль.

— Ну да ещё! — рассерди́лась Тánя. — Бúдем всю ночь взад-вперѣд бѣгать! . . . Пошли́!

О́ни перепрáвились через ручѣй, взобра́лись на освещѣнную луно́й вершíну холма́ и остано́вились там,

молчаливые, насторожённые. У мальчиков были низко надвинуты на лбы кепки и у всех подняты воротнички пальто.

За холмом тянулась поляна, голубая от лунного света. В дальней стороне её, окружённый с трёх сторон тёмными соснами, белёл дом «трикотажей». Боря зачем-то снял кепку. На его макушке, как перо индейца, торчал одинокий прямой вихор.

— Спят и не знают, что мы им готовим, — прошептал он.

Все молча кивнули головами и продолжали смотреть на белый дом.

Завтра начнётся игра. Завтра отряды «карбидов» и «трикотажей» с красными и синими повязками на руках станут ползать в лесу, стараясь пробраться к лагерю «противника» и похитить флажок, спрятанный в условном месте. И всё это время пятеро отважных разведчиков будут сидеть на холме под самым носом у «неприятеля». Они будут следить за каждым движением «противника» и сообщать обо всём по телеграфу в свой штаб. Это придумала Таня.

— Пошли! — тихо командовала она. — Борис, Лёнька, тяните провод!

«Карбиды» в молчании направились к погребу. Один за другим вошли в низенькую дверь между скатами крыши. Таня включила карманный электрический фонарь.

Наземная часть погреба была пуста. В середине дощатого пола чернёл открытый люк. Ребята, стоя вокруг него на четвереньках, заглянули вниз.

В глубокую яму велá приставная лестница. На дне ямы при слабом свете Таниного фонарика ребята увидели пустые деревянные кадки.

— Капусту квасили, — прошептала Вава.

Лёня поправил кепку, съехавшую на нос, и тихонько засмеялся:

— Тánька! А вдруг здесь крýсы есть!

— Не испугáешь. Онí бы здесь с гóлоду подóхли. Чем языко́м болта́ть, устанáвливай аппара́т.

Вскóре телегра́фный аппара́т с электромагнито́м от звонка́, ро́ликом от пи́шущей машинки и бума́жной лénтой, нарэзанной из газéтных полéй, сто́ял в углу́ под скáтом крýши. Сидя́ во́зле него́ на ко́рточках, ребя́та смотре́ли, как Лёня де́лал про́бу.

— Переда́й, — сказа́ла Тánя: — «По́греб зánяли, невзира́я на тру́дности. Сообщи́те, как принима́ете. Начпу́нка Зака́това».

Лёня снял кéпку, склонил стрíженую гóлову над аппара́том и стал нажима́ть на ключ, т́ихо приговáривая:

— То́чка, тирé, тирé, то́чка. . . Тирé, тирé, тирé. . . Лёня передава́л э́ту телегра́мму мину́т пять и весь взмок от напряже́ния. Под ко́нec он сообщи́л, что перехóдит на приéм, и поверну́л како́й-то рычажо́к. Тепéрь все смотре́ли на якорь магнита́ с каранда́шным графíтиком. Вот он слегкá дёрнулcя. Лёня взял пáльцами ко́нчик бума́жной лénты и стал тяну́ть её к себе́.

Где́-то за лéсом, в ко́мнате у вожа́того «карбидов», дежу́рный телеграфíст ла́герья Сeня Ж́уков сту́чал ключо́м, а здесь на бума́жной лénте появи́лись сла́бые че́рточки и то́чки. С трудо́м разбира́я их при свете фонаря́, Лёня чита́л:

— «При-ма́ем хшо. Же-ла́-ем у-пé-ха. Дежу́рный связа́-е-ет Ж́уков».

Ба́ва тихо́нько засмея́лась и т́ихо захло́пала в ладо́ши.

— Рабо́тает! — шепта́ли «карбиды». — Рабо́тает!

По́сле испытáния аппара́та онí размести́лись по разным угла́м, и Тánя потушила́ фонарь.

Ста́ло совсе́м темно́. То́лько ще́ли в крýше свети́лись сла́бым ночно́м свето́м. Ребя́та прити́хли ка́ждый в своём углу́. Бы́ло слы́шно, как журчи́т ручей

под холмом и пищит одинокий комар, залетевший в погреб. Так прошло полчаса.

— Товарищи! Вы не спите? — зашептал вдруг Боря.

«Карбиды» возмущенно заворчали в темноте:

— Мы и не думали засыпать!

— Знаете что? Вот все наши ребята спят сейчас в теплых постелях, а мы тут бодрствуем, как на передовых позициях. . . А, товарищи?

— Угу! — отозвался кто-то.

Таня заворчалась где-то возле двери:

— Слушайте-ка! А что бы нам такое совершить?

— Совершить? . . . Что совершить?

— А вот: нас с нашим лагерем соединяет только провод. И вот бы по этому проводу послать депешу: «Сегодня, положим, в ноль часов пятьдесят минут, разведчики такие-то совершили то-то и то-то». Что-нибудь особенное, подвиг, понимаете?

Эта мысль всем понравилась. «Карбиды» стали придумывать, какой бы совершить подвиг.

— Нет! — сказал Лёня. — Такую депешу послать: «Сегодня ночью разведчики такие-то пробрались. . . в это. . . как его. . . в месторасположение неприятеля и. . . сделали чего-нибудь такое».

— А что именно сделали? — спросил Боря.

— Ну, какой-нибудь диверсионный акт.

— Ой, девочки! — пропищала Вава. — У них там две овчарки и ночной сторож. Они такой «диверсионный акт» покажут, что просто ужас!

— И вообще нельзя: игра ещё не началась, — сказала Таня.

Долго ломали голову «карбиды».

Постепенно щели в крыше посветлели. На полу стало заметно черное пятно люка, а по углам — смутные фигуры ребят. Они сидели кто на корточках, кто просто на полу и поживались от утреннего холода.

— Закусим? — предложил Боря.

Бава развязала мешок. Она вынула оттуда буханку хлеба и несколько варёных картофелин. Затем, хитро посмотрев на ребят, извлекла одну за другой пять сушёных вобл.

— Сама достала, в сельпо! — сказала она важно, раздавая ребятам порции на салфетках из газеты.

Разведчики принялись громко чмокать, обсасывая косточки воблы и продолжая вслух мечтать о походе.

— Хоть бы гроза какая-нибудь! — говорила Таня, держа двумя пальцами рыбий хвост. — «В районе наблюдательного пункта разыгралась гроза. Погреб затоплен. Продолжаем наблюдение по колёно в воде».

— А по-моему, лучше так, — предложил Боря: — «В районе наблюдательного пункта бушует гроза. Огромное дерево упало рядом с погребом. Продолжаем наблюдения».

— Нет! Не так! Вот как! — Лёня даже приподнялся. — «В районе наблюдательного пункта бушует гроза. Молния ударила в погреб. Часть разведчиков оглушена. Продолжаем наблюдения среди дымящихся развалин».

— Ой, девочки! — пропищала Бава. — Если всё это случится, вожатые прогонят нас отсюда и прекратят игру.

* * *

Прошло час три. Щели в крыше стали золотистыми, и от них протянулись сизые лучи, в которых плавали блестящие пылинки. Мрачную картину осветили они.

Блédные, осунувшиеся, ребята сидели вытянув шею, поминутно делая судорожные глотательные движения. Клочки газеты, обглоданные рыбы кости и картофельные очистки валялись на полу.

Прижа́вшись заты́лком к стене́ и перека́тывая го́лову с одно́го плеча́ на друго́е, Лёня громко, с надры́вом шепта́л:

— Ну пра́мо все кишкí вь́жгло!.. Пра́мо, наве́рно, како́е-нибудь воспа́ление тепе́рь начина́ется! — И, уста́вившись на Та́ню злы́ми глаза́ми, сказа́л: — Ну, чего́ тебе́ сде́лается, е́сли я к ручью́ сбéгаю?

— Не пу́щú. Трикота́жи уви́дят, — в деся́тый раз повто́рила Та́ня.

— «Уви́дят!» О́ни е́щё спят преспоко́йно, а ты здесь му́чайся!

Та́ня, бле́дная, решите́льная, стоя́ла на ко́лөнях, загоро́живая собо́ю дверь:

— Все хотя́т пить. И я не ме́ньше тебя́.

— «Не ме́ньше!» Две кру́жки ча́ю за у́жином выпила, а я. . .

— Не пу́щú! Поня́тно?

Бо́ря мо́лча слúшал э́тот разгово́р. Дли́нная физионо́мия его́ е́щё бо́льше вь́тянулась. Ва́ва ко́ротно всхли́пывала, то́чно ика́ла, а её брат сиде́л неподви́жно, страда́льчески подня́в ма́ленький нос и больш́ие те́мные глаза́.

Вдруг Бо́ря подня́лся:

— Товари́щи! За́чем ссо́риться? Если ка́ждый ста́нет бе́гать к ручью́ и о́братно, то нас мо́гут замéтить. Но кто́-нибудь мо́жет взять рюкза́к и прине́сти во́ду для всех.

— Пра́вильно! Он брезе́нтовый и не протека́ет.

— И о́чень хоро́шо! И велико́лепно! — одобри́тельно запища́ла Ва́ва.

— Не пу́щú!

Но тут терпе́ние у «карби́дов» ло́пнуло. Лёня, согну́вшись, подоше́л к звеньево́й. Ва́ва вскочи́ла на́ ноги. Зло́е ли́цо её выгля́дывало из-за Ле́ниной спи́ны. Шагну́л впе́ред и Бо́ря с торча́щим вихро́м.

— Что ж, нам здесь помира́ть? — мра́чно спроси́л
Лёня.

— Не пу́щú!

— Крича́ла, крича́ла о по́двиге, а как до де́ла до-
шлó — одногó челове́ка бойшься выпустить!

— Не пу́щú!!

— Ой, де́вочки, какáя стра́нная у нас звеньевáя!
Крыс бойт́ся, трикотáжей бойт́ся и всего́ бойт́ся!

Лёня бил себя́ кулако́м в грудь:

— Ну, меня́, меня́ пусти́! Я так проползу́, что. . .

— Уж ты проползёшь! Зна́ем тебя́!

— Ну, самá иди́!

— И самá не пойду́.

Лёня подошёл к ней побли́же. Неожиданно мя́г-
ким, ла́сковым голосо́м он спроси́л:

— Стру́сила?

— Стру́сила? — пи́скнула Ва́ва.

Та́ня вскочи́ла, стúкнулась голово́й о кры́шу и,
держась за маку́шку, отчекáнила:

— Давáйте мешóк!

— Вот и прекра́сно! Вот и прекра́сно! И ничегó
такóго не случи́тся, — миролюби́во заговори́ла Ва́ва,
вытря́хивая из рюкзака́ оста́тки провизи́и.

Та́ня сняла́ пальто́ и взяла́ мешóк.

— Стру́сила, говори́шь?

Она́ откры́ла дверь, согну́лась, что́бы не стúкнутъ-
ся сно́ва о при́толку, сде́лала шаг вперёд, остано́ви-
лась на секун́ду. . . и вдруг, ре́зко дёрнувшись наза́д,
закры́ла дверь.

— Чегó ты? — удиви́лись ребя́та.

— Стоя́т! — чуть слы́шно отве́тила Та́ня.

Все бро́сились к стене́ и прини́кли к щеля́м в дос-
ка́х. Да́же Ди́ма перестáл «умира́ть».

Поверте́в удиви́ленно голово́й, он подня́лся и под-
бежа́л к двéри.

На крыльце́ до́ма «трикотáжей» стоя́ли дво́е маль-

чишек с полотенцами через плечó: одiн — мáленький, другóй — большóй. Мáленький, протяну́в ру́ку, пока́зывал на по́греб.

«Карбiды» брóсились прочь от стены.

— Идúт!

— Ой, дéвочки, прýмо сюдá идúт!

С мину́ту они́ метáлись по по́гребу, стúкаясь голо́вами о скáты крýши.

— В люк! В бóчки! — скомáновала Тáня. — Всё убрáть!

Пальтó, катúшка из-под прóвода, рюкзáк, очiстки карто́шки, ры́бьи гóловы и хвосты́ полетéли вниз, в глубинú по́греба.

Лёня отцепiл аппарат от прóвода и съéхал на животé по шáткой приставно́й лéстнице вниз. За ним скатiлись остальные. Кряхтá, толкáясь, «карбiды» убрáли лéстницу и спрятали её за бóчки, лежáщие двумя́ рядáми у стен. Брóсили тудá же свой вéщи и остáтки провiзии. Затéм кáждый забрáлся в бóчку и все затiхли.

Прошлá мину́та, мóжет быть две. Вот наверху́ скри́нула дверь. Послы́шались два приглушённх гóлоса. Одiн, соли́дный, басiстый, похóжий на гóлос Бурлакá, сердiто спросiл:

— Ну, где твой карбiды?

Другóй, тóнкий, отвéтил негрóмко, но горячó:

— Чéстное пионерское, ви́дел! Э́та, iхняя. . . Пётр Пёрвый. . . По ковбóйке узна́л. Открýла дверь, а потóм срáзу как захлóпнет. . . А за ней ещё какие-то. . . Сам ви́дел.

— Ско́лько? — спросiл председáтель.

— Дéсять. . . Нет, Ми́шка, человек двáдцать! Так и высмáтривают, так и высмáтривают!

— Врёшь, — лени́во сказа́л Бурлáк.

— Ну вот тебе́ чéстное-распречéстное слóво! Знаю, где они́! Внизú сидят.

Пригíхшие в бóчках «карбíды» услышали, как два «трикотáжа» подобралíсь к лю́ку.

— Эй! — бáсом крíкнул мáленький мальчíшка.

Лёнина бóчка лежала прóтив Тáниной. Он взглянул на звеньевúю. Тáня сидела согнúвшись, поджав под себя колéни, прикусíв кóнчик языка́. Оди́н глаз её был закры́т прядью́ волóс, друго́й неподвìжно смотре́л куда́-то вверх.

— Эй, Пётр Пёрвый! Всё равно́ знаём — в бóчках сидíte.

Ребáта да́же дыша́ть перестáли. Затекли́ но́ги, болéли спи́ны, а шевельну́ться бы́ло нельзя́: при малейшем дви́жении бóчки качáлись.

— В бóчках сидят! Чéстное пионёрское, в бóчках! Бежím поды́мем трево́гу! Это разведчи́ки íхние!

— Чудáк ты, прáво, человек! Поды́мем трево́гу, а здесь никогó не ока́жется. Смешно́ прýмо!

-- Дава́й спры́гнем, посмóтрим.

— И полома́ем ше́и!

— Ну, дава́й я оди́н спры́гну, собóй пожéртвую. Хочешь?

— Собóй жéртвовать нетрúдно. А ты попрóбуи без жертв захватíть. Это друго́е дéло.

— А как. . без жертв?

Два «трикотáжа» ста́ли шепта́ться так тíхо, что «карбíды» ничегó не могли́ услышать. Потóм мáленький хихíкнул и спросíл:

— На верёвке?

— Ну да, — отвéтил Бурла́к.

Они́ опя́ть зашепта́лись.

— Лáдно, сторож́и. Я сейча́с! — грóмко сказа́л Бурла́к и вы́шел из по́греба.

Не́которое вре́мя стоя́ла пóлная тишина́. Бы́ло слы́шно, как над лю́ком ды́шит и шмы́гает нóсом мáленький «трикотáж». Вдруг он поворо́чался наверху́ и дово́льным то́ном объявил:

— А Мйшка за бёлой крысой пошёл!

«Карбйды» почуяли недоброе. Лёня снова взглянул на Танию. Она ещё больше сжалась в своей бочке.

— Эй, Пётр Первый, выходи лучше! — угрожающе крикнул «трикотаж».

«Карбйды» молчали. Сердца их отчаянно бились. Хотелось шумно, глубоко вздохнуть, а мальчишка над локом, как назло, притих.

Прошло минут десять. Наверху раздались шаги, и снова послышался шёпот:

— Зачем за ногу? За хвост!.. Осторожней, дурак, уронишь!.. Потихоньку! Потихоньку!

Между бочками Лёни и Тани появилась в воздухе белая крыса. Вертясь и покачиваясь, суча розовыми лапками, она медленно опускалась, привязанная на шпагате за хвост. Вот она заскребла передними лапками земляной пол и села, поводя острой мордой с подвижными усиками.

— Эй, Пётр Первый, выходи! Хуже будет!

Таня, бледная, закусив губы пристально смотрела на крысу. Сжатые кулаки её с острыми косточками дрожали.

Шпагат натянулся и дернул крысу за хвост. Та поползла в сторону Лёни, волоча за собой верёвку. Лёня знал, что белые крысы не боятся людей. Так оно и оказалось. Крыса вошла в бочку и, наступив лапой на Лёнин мизинец, стала его обнюхивать. Лёня приподнял было другую руку, чтобы схватить крысу и не пустить её к Тане, но вспомнил, что «трикотажники» могут дернуть за верёвку, и раздумал.

Шпагат снова натянулся и вытащил крысу в проход между бочками.

— Так все бочки обследовать! Понимаешь? — услышали ребята шёпот Бурлака.

— Есть все бочки обследовать!

Белая крыса бесшумно ползала по дну погреба.

Она то заползала в одну из бочек, то снова появлялась на чёрном земляном полу, и пять пар внимательных глаз, скрытых от «трикотажей», следили за каждым её движением.

Вот она снова очутилась между Лёней и Таней и снова направилась к Лёне. . .

Верёвка натянулась. Крыса остановилась, а потом повернула к Тане.

Бочка, в которой сидела Вава, качнулась. К счастью, «трикотажки» не заметили этого.

Таня крепко зажмурила глаза. Всё сильней и сильней дрожали её сжатые кулаки и худенькие плечи.

Крыса часто останавливалась, сворачивала в сторону, но всё же приближалась к ней. Вот она вошла в бочку, обнюхала дрожащий кулак и, неожиданно вскочив на Танину руку, стала карабкаться на плечо. Не разжимая глаз, Таня широко открыла рот, и Лёня понял, что сейчас раздаётся тот истощный, пронзительный визг, который раздаётся вчера вечером на линейке «трикотажей». Но визга он не услышал. Таня сжала зубы и больше не делала ни одного движения. А крыса забралась на её плечо и подползла к шее. Её белые усики шевелились возле самого Таниного уха.

Снова дрогнула бочка, в которой сидела Вава. Лёня не боялся крыс, но по спине его бегали мурашки, когда он смотрел на звеньевую.

Где-то далеко прозвучал горн. В ту же секунду крыса вылетела из бочки. Дрыгая лапами, она взвилась вверх и исчезла.

— Хватит дурака валять! — проворчал над люком Бурлак.

— Да честное пионерское, мне показалось. . . — уже совсем неуверенно сказал его товарищ.

— Мало чего тебе показалось! Сначала проверь, потом подымай панику. Идём!

И «трикотажки» ушли из погребца.

Одін за другим вилезли из бочек измученные, грязные «карбіды». Они собрали свои вещи и приставили лестницу. Никто из них не сказал ни слова.

Молчали они и наверху. Лёня стал прикреплять концы проводов к аппарату, остальные сели по своим местам и приникли к щелям между досками.

От пережитого волнения жажда усилилась. Каждому казалось, что вот-вот потрескается кожа на языке. Но все молчали и время от времени поглядывали на Танию. Она стояла на коленях перед дверью и не отрывалась от щели.

— Аппарат готов, — тихо сказал Лёня.

Звеньевая молчала, по-прежнему глядя в щель. Перед белым домом выстроились четырехугольником «трикотажки». Опять заиграл горн. Послышалась дробь барабана, и красный, горящий на солнце флаг рывками поднялся вверх.

— Передай, — не оборачиваясь, сказала Тая: — «Флаг у противника поднят».

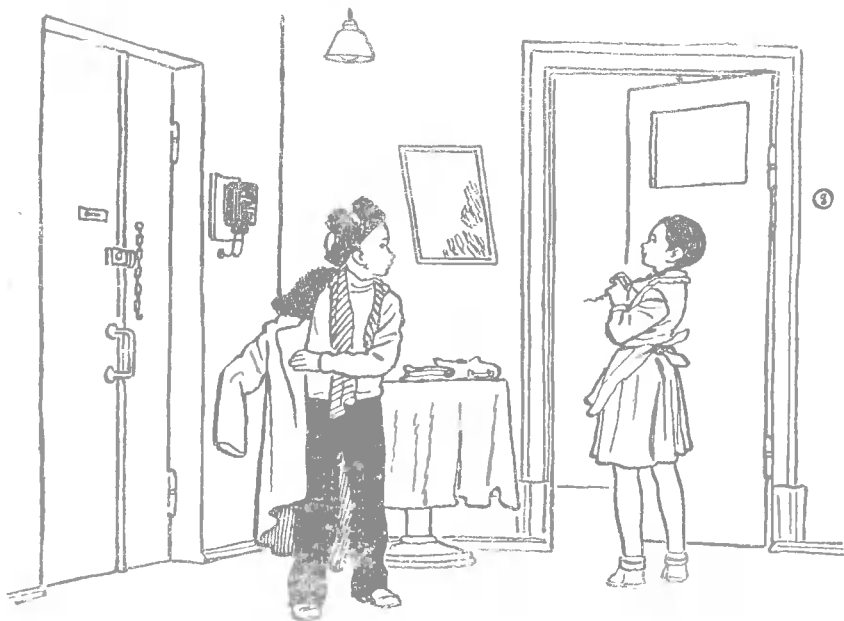
Лёня облизнул пересохшие губы и прислушался к слабому журчанию ручья под холмом. Он знал теперь, что он и его товарищи будут слушать это журчанье три часа, пять, может быть восемь, и никто из них не скажет ни слова о том, что хочется пить.

Склонив голову к аппарату, Лёня стал медленно нажимать на ключ, шепча про себя:

— Точка, точка, тире, точка. . . точка, тире, точка, точка. . . «Флаг у противника поднят!»

1940

РАЙКИНЫ ПЛЕННИКИ

Раздался резкий, деловитый звонок. Рая вытерла руки о салфетку, повязанную вместо фартука, и открыла дверь. Вошёл семиклассник Лёва Клочков.

— Привёт! — сказал он, снимая шубу. — Дома?

— В ванной сидит, — ответила Рая и ушла обратно в кухню, на ходу заплетая косички.

В квартиру недавно провели саратовский газ. Боря на первых порах принимал ванну раза по четыре в день. Вот и теперь он стоял перед умывальником, распарившийся, розовый, и, глядя в зеркало, водил расчёской по светло-жёлтым, торчащим ёжиком волосам.

— Здравствуй! — сказал он, не оборачиваясь, когда Лёва вошёл. — Ты хорошо сделал, что рано явился. У меня есть один проект.

— Именно? — коротко спросил Лёва.

Глядя в зеркало через плечо товарища, он прищёпнул ладонью вихор на макушке, поправил белый воротничок и красный галстук, подтянул застёжку-молнию на чёрной блузе.

Друзьям нужно было иметь безукоризненный вид. Доктор географических наук профессор Аржанский обещал присутствовать сегодня на заседании школьного краеведческого кружка. Лёва и Боря должны были поехать за профессором и проводить его в школу.

Боря положил расчёску на умывальник:

— Понимаешь, хочу сегодня выступить. Надо произвести чистку в кружке. Ты как думаешь?

Лёва давно тренировался, вырабатывая в себе два качества: способность оставаться невозмутимым при любых обстоятельствах и привычку выражаться кратко.

— Дельно! — сказал он.

— Так при профессоре и заявлю, — продолжал Борис: — «Или, товарищи, давайте кончим всё это, или давайте работать как следует»... На носу лето¹, походы, а тут возись с такими... вроде Игоря Чикалдина. Спорим, что он не сможет правильно по компасу идти.

Лёва кивнул головой:

— Факт.

— Ну вот! А Юрка Гóворов топографии не знает, костра в дождливую погоду развести не умеет. Спрашиваю его однажды: «Как сварить суп на костре, не имея посуды?» Молчит как рыба. Ну куда нам такие!

— Балласт², — согласился Лёва.

Боря передохнул немного и продолжал:

¹ На носу лето (разговорное) — то есть до лета осталось мало времени, лето скоро наступит.

² Балласт — здесь: лишний, бесполезный.

— Это ещё ничего. Есть люди и похуже. Звоню как-то Димке Тужикову по телефону: «Почему не явился на занятия по добыванию огня трением?» — «Мама, — отвечает, — не велела». Чего-то там делать его заставила. Ничего себе, а? Самостоятельный человек называется!

— Смешно. . . — пожал плечами Лёва.

— Так вот, мы сейчас до профессора зайдём к Виктору, посоветуемся и все трое выступим на собрании.

— Боря! Борис! — закричала Рая из кухни.

— Что тебе?

— Борис, никуда не уходи: нужно сначала мясо повернуть в мясорубке.

— Вспомнила! Нужно было раньше попросить! Мне некогда.

Рая появилась в дверях ванной, держа большую ложку, от которой шёл пар:

— Боря, я тебя уже просила, а ты всё «некогда» и «некогда». Проверни мясо! Мясорубка тугая, я сама не могу, а мама ушла и велела приготовить котлеты.

Боря уставился на неё, сдвинув светлые, чуть заметные брови:

— Слушайте, Райса Петровна! Вам русским языком говорят: я тороплюсь, у меня поважнее дело, чем твой котлеты. Всё! Можете идти.

Но Райса Петровна не ушла, а, наоборот, шагнула поближе к брату:

— Боря, вовсе я никуда не пойду, и ты тоже никуда не уйдёшь, пока не провернёшь мясо. Вот!

Боря повисил голос:

— Со старшими таким тоном не говорят! Ясно? Ну! . . . Марш!

Взяв сестрёнку за плечи, Борис повернул её к себе спиной и лёгонько толкнул.

— И очень хорошó! И прекраснó! — закричала та удаляясь. — А ты всё равно не уйдёшь!

Бóря сел на стул и принялся надевать носки.

— Мálенького нашлá... — ворчал он. — Брось всё и верти мясорубку! Распоряжается чужим временем!

Мáльчики вышли из вáнны. В коридóре они встрéтили Рáю, котóрая неслá под мышкой большúю кнйгу.

— Сейчáс, — сказáл Борйс, войдя в кóмнату. — Ещé две минúты, и я гóтов. — Он взял со стúла парáдные брйюки и сýнул правую нóгу в штанину. — Да, Лёвка, сегоднá побóремся! Кóму-то жáрко стáнет, кóму-то... — Он замолчал и опустил глазá вниз, на брйюки. — Гм! Что за чёрт... Смотри!

На брйюках нé было ни однóй пúговицы! Приятели мóлча посмотрéли друг на дрúга и подошли к висévшему на спйнке стúла пиджакú: там тóже пúговиц не оказáлось.

Бóря взъерóшил волосы:

— Что за чёрт! А?

— Срézаны, — хладнокрóвно сказáл Лёва и кивнул на обéденный стол: там лежáли пúговицы и нóжницы.

Бóря покраснёл так, что лицó егó стáло темнée волóс. Торопливо скинув брйюки, он в однйх трусáх отпра́вился в коридóр.

Лёва последовал за ним.

— Р-ррайса!

— Чегó тебе? — слышалось за двéрью вáнной. Бóря толкнул дверь, но она оказáлась запертой.

— А ну, открóй!

— Не открóю, — отвéтила Райса.

— Агá, понятнó! Ты срézала пúговицы?

— Ну, я срézала.

— Зачём? Отвечáй!

— Чтóбы ты мя́со проверну́л. Мне котлёты на́до гото́вить.

Бо́ря загрохота́л кулака́ми по двéри и закрича́л та́ким го́лосом, что ко́шка свали́лась с но́вой га́зовой плиты́:

— Ра́йса! Выходи́ немедленно! Слы́шишь!

— Во́все я не вы́йду. Что я, сумасше́дшая?

— Выходи́ сию́ мину́ту и прише́й пу́говицы!

— Проверни́ мя́со, тогда́ прише́ю.

Гро́мко дыша́, Бо́ря прошёлся по кúхне и остано́вился перед Лёвой:

— Как тебе́ нра́вится, а?

Тот не потеря́л своегó хладнокровия́.

— Не волну́йся, — сказа́л он. — Психоло́гию зна́ешь? Запрí её самоё.

С нару́жной стороны́ двéри была́ щекóлда. Бо́ря заложíл её и гро́мко сказа́л:

— Вот! Получа́й, Ра́йса! Бúдешь сидéть здесь, пока́ на́ши не придúт.

— И пожа́луйста! Я с собо́й «Двух капита́нов» взяла́.

Услы́шав та́кой отве́т, Бо́ря пал дúхом. Опя́ть он в отча́янии возо́зрился на Лёву.

— Теря́ться не́чего, — сказа́л тот. — Прише́ём са́ми.

Друзья́ верну́лись в ко́мнату. Они́ реши́ли, что Бо́ря ста́нет пришива́ть пу́говицы на брjúках, а Лёва — к пиджаку́. Но в шкату́лке нашла́сь то́лько одна́ игóлка. Бори́с оторва́л от кату́шки нítку и подоше́л к ла́мпе, висевшей над сто́лом. Он слюни́л нítку, разгла́живал её ме́жду па́льцами, заде́рживал дыха́ние, но нítка не лéзла в ушко́ игóлки. Сто́я во́зле него́, Лёва сове́товал:

— Не волну́йся! Возьми́ себя́ в рúки и не нервничай. Ты волну́ешься — и ничегó не вы́ходит.

Бори́с наконéц рассвирепéл.

— На́! Сам не волну́йся! — крикну́л он и сýнул

иголку с ниткой Лёве в руки.

Тот рассмотрёл как следует нитку и заявил, что она чересчур толста. Боря достал другую нитку. Она, правда, была розовая, но зато её быстро продели в ушко. Лёва посмотрел на часы.

— Семь минут прошло, — сказал он.

Пришивая пуговицу, Боря пять раз уколол себе палец и четыре раза порвал нитку.

— А теперь четыре минуты прошло, — сказал Лёва, разглядывая его работу. — Гм!.. Ты волнуешься и не туда пришёл.

— Чего ты мелешь. . . «не туда»! Где не туда?

— Вот видишь, где петля, а где пуговица!

Лёва отпорол пуговицу и взялся пришивать её сам. Он работал с большим самообладанием, пришёл пуговицу правильно и затратил восемь минут. После этого он встал со стула и размеренными шагами прошёлся по комнате.

— Безнадёжно, — сказал он.

— Ничего не безнадёжно! — отозвался Борис. — У нас целый час времени.

Лёва пожал плечами:

— Простая арифметика! Времени — час. От тебя до профессора — пятнадцать минут. От профессора до школы — столько же. . . На одну штуку мы затратили. . . семь плюс четыре и плюс восемь. . . затратили девятнадцать минут. . . Теперь, конечно, дело пойдёт быстрее. Натренировались. Счита́й — по пятнадцати

минут. На брюках их пять, а на пиджакé — четы́ре. Простой расчёт! . .

Вторые Бóрины брjóки мать распорóла для перелицóвки. Бýли у него́ ещё одни́, но все в заплáтах. Бóря пришёл в стра́шную я́рость. Он крича́л, что сегодня́ же оторвёт Райсе у́ши, что отны́не не ска́жет с ней ни сло́ва и что, е́сли роди́тели не перевоспита́ют её немедленнó, он уйдёт из дому́.

— Криками не помóжешь, — сказа́л Лёва. — Возьми́ себя́ в ру́ки и пойдí поговори́. Подéйствиуй на неё си́лой убеждéния.

Товáрищи снова́ очути́лись в кúхне. Бóря заговори́л негрóмко и о́чень сдёржанно:

— Ра́я! Райса, ты слы́шишь?

— Ну? — отвéтили из-за двéри.

— Райса, я тебя́, так и быть, выпущу́, но что́бы э́то бы́ло в послéдний раз! Понимáешь?

— Понимáю. А я не выйду́.

Бóря вздохну́л, подтяну́л трусы́ и продолжа́л уже́ совсе́м крóтко:

— Ра́я, послу́шай-ка, ты ведь не ма́ленькая, так? Мне ну́жно скóро уходíть, а . .

— И уходí. Кто тебя́ дéржит?

Лёва загляну́л в замóчную сква́жину и сказа́л убедительным то́ном:

— Ра́я, ну́жно всё-таки́ сознава́ть! У Бори́са о́чень ва́жное дéло.

— Котлэты то́же ва́жное дéло. Оте́ц придёт с рабóты — что он бу́дет есть?

Семиклáссники помолча́ли в раздúмье.

— Глúпо! — тíхо сказа́л Лёва.

— Что — глúпо? — так же тíхо сказа́л Бори́с.

— К чему́ ты затéял всю́ э́ту возни́ю? Проверну́л бы мя́со — и дéло с концóм!

Бори́с до́лго грыз нóготь на большóм пáльце, потóм открýл щекóлду:

Напрáсно товáрищи упрáшивали Ра́йсу в́ийти.

— Ну ладно, Райка! Выходи. Мы провернём.

— Нет, вы сначала проверните и покажите мне. Я встану на умывальник и посмотрю в окно.

Под потолком в стене ванной было застеклённое окно. Напрасно товарищи упрасивали Райсу выйти немедленно, говоря, что этак она не успеет пришить пуговицы. Рая стояла на своём. Делать было нечего! Два авторитетных члена краеведческого кружка покорились. Мясорубка была неисправная и очень тугая, но Боря вертел её с такой быстротой, что килограмм говядины очень скоро превратился в фарш. Лицо Бориса блестело от пота, но голос его стал попрежнему строгим, когда он заговорил:

— Вот тебе мясо. Кончай эти штучки и выходи!

В ванной послышался какой-то шорох: это Райса лезла на умывальник. Скоро её голова показалась за стеклом окна.

— Вот! — сказала она. — И стоило из-за этого столько спорить!

— Хватит болтать! Выходи!

Но Рая не вышла.

— Погодите, — сказала она. — Я с вами потеряла много времени, а мне нужно ещё снять бельё с чердака. Пойдите на чердак и снимите.

Боря чуть не уронил тарелку с фаршем.

— Издеваешься! — сказал Лёва.

— Райса! . . Ты эти штучки брось, ты меня знаешь! Лучше брось!

— Всё я не издеваюсь. Мне одной раза четыре пришлось бы на чердак подниматься, а вы вдвоём сразу всё бельё унесёте. А я буду обед готовить.

Борису очень хотелось плюнуть на всё и взять Райсу измором¹, проучить хорошенько эту девчонку.

¹ Взять измором (измор) — добиться победы над противником медленным, настойчивым действием.

Но он подумал, как будет глупо, если он не попадёт к профессору и на заседание кружка. И из-за чего! Из-за каких-то пуговиц и упрямой сестрёнки!

Кончилось дело тем, что они с Лёвой отпратвились на чердак, принесли оттуда бельё и показали его Райсе.

Краеведы слышали, как она прыгнула с умывального.

— Увидишь, — шепнул Борис товарищу, — только пришьёт пуговицы, все уши оторвёт! — Он посмотрел на дверь и сказал громко: — Ну, Райса!

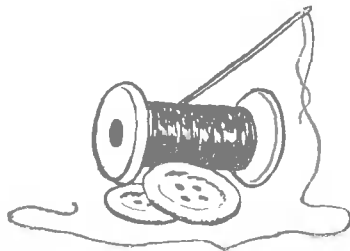
— А теперь... теперь самое последнее, — решительно заговорила Рая. — Теперь знаете что? Теперь повторите оба вместе: «Мы даём честное пионерское слово, что даже пальцем не тронем Рая, когда она выйдет из ванной».

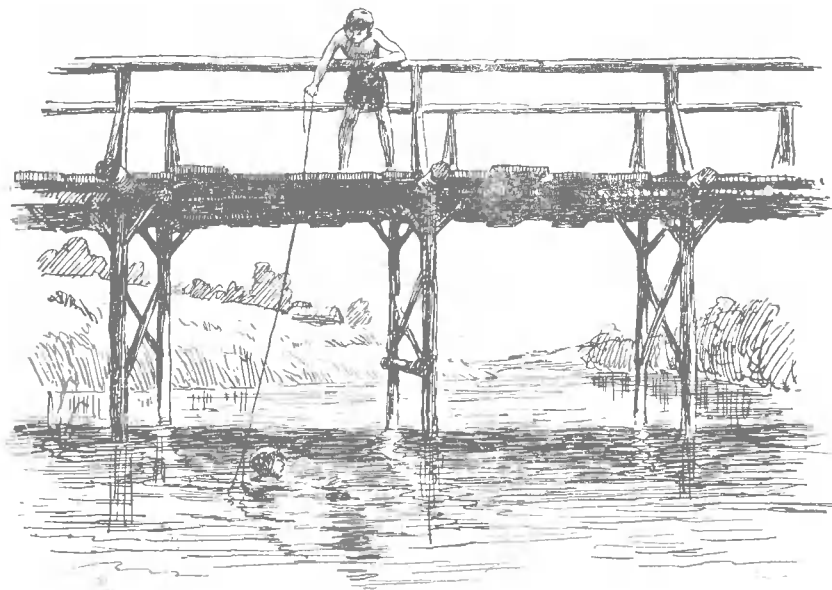
Повторять эту фразу было для краеведов труднее всего. Но они всё же повторили её замогильными голосами.

Щёлкнула задвижка, дверь открылась, и Рая быстро прошла мимо краеведов.

Через пятнадцать минут друзья вышли из дому. За всю дорогу они не сказали ни слова, и на бурном заседании краеведческого кружка оба хранили угрюмое молчание.

1948

УЧИТЕЛЬ ПЛАВАНИЯ

Мы с Витей Гребнёвым и ещё пятнадцать ребят из школьного туристического кружка собирались в большой лодочный поход по речке Синеи. Нам предстояло подняться вверх по течению на семьдесят километров, а потом спуститься обратно.

Грести против течения — дело нелёгкое, особенно без тренировки. Но тут-то нам с Витей и повезло. За две недели до начала похода муж моей сестры купил двухвесельную лодку. Он позволил нам кататься на ней, пока у него не начался отпуск. И вот мы с Витей уже несколько дней тренировались в гребле.

Правда, тренировался больше я один. Витя — малый упитанный, грузный и не то чтобы ленивый, а какой-то слишком уж спокойный. Он предпочитал

быть за рулево́го. В одних труса́х, в о́громной соломенной шля́пе, привезённой его́ ма́мой из Кры́ма, он сидёл на корме́, пра́вил и кома́ндовал:

— Вдох, вы́дох! Вдох, вы́дох!

Я разме́ренно грёб, стара́ясь пра́вильно дыша́ть и не зарыва́ть вёсел в во́ду.

Хорошо́ бы́ло в тот день на ре́чке! Сле́ва ме́дленно полз наза́д вы́сокий, обрыва́стый бе́рег, на кото́ром среди́ зе́лени белели до́мики городско́й окра́ины. Спра́ва бе́рег был низкий, заболо́ченный. Там у са́мо́й воды́, сло́вно ты́сячи зелёных штыко́в, торча́ли ли́стья осо́ки; за осо́кой тяну́лся луг, а за лу́гом видне́лись ржаные поля́. Иногда́ к нам на́ борт сади́лась отдохну́ть стрекоза́ или ба́бочка, иногда́ из воды́ выска́кивала ры́ба, сло́вно для того́, что́бы взгляну́ть, кто э́то плывёт на ло́дке.

Мы проплы́ли под небольшо́м пеше́ходным мо́стиком. Здесь го́род конча́лся. Да́льше на ле́вом бере́гу зеленели огоро́ды, а внизу́, под обрыва́вом, тяну́лся узкий пля́ж с чи́стым песко́м. По выходны́м дня́м на э́том пля́же собира́лось мно́го купа́ющихся, но сейча́с тут бы́ло то́лько два челове́ка: Серёжа Ольхо́вников и Же́ня Гру́здев.

Мы прича́лили недале́ко от них, вы́ташили ло́дку но́сом на бе́рег и се́ли на песо́к, но ни Серёжа, ни Же́ня нас не заме́тили. Они́ стоя́ли ме́трах в тре́х от бере́га. Долговязо́му Серге́ю вода́ была́ по грудь, а коро́тенько́му Же́ньке — по го́рло. Оба они́ отпле́вывались, тяжело́ дыша́ли, и лица́ у них бы́ли совсе́м изму́ченные.

— Ты... ты, гла́вное, споко́йней! — говори́ла торча́щая из воды́ Же́нькина голова́. — Ты не колоти́ по воде́, а под себя́ подгреба́й, под себя́ подгреба́й!

Серге́й ниче́го не отвеча́л. Он смотре́л на Же́ньку злым ле́вым гла́зом. Пра́вый глаз его́ был закры́т дли́нным мо́крым чу́бом, прили́пшим к лицу́.

— Давай! — сказала Женькина голова. — Ещё разочек. Главное, спокойно!

Сергей лёг на воду и с такой силой заколотил по ней длинными руками и ногами, что брызги полетели во все стороны метров на пять, а Женькина голова совсем исчезла в белой пене. Но он продолжал выкривать:

— Спокойно!.. Подгребай! Не торопись, под себя подгребай!

Сергей быстро пошёл ко дну. Женька хотел его поддержать, но по ошибке схватил не за руку, а за ногу.

Наконец они вылезли на берег. У обоих кожа была синяя и покрыта пузырьками. Они теперь заметили нас, но даже не поздоровались. Сергей сел на песок рядом с Витей, обхватив ноги руками и положив подбородок на колени. Женька остался на ногах. Оба они стучали зубами.

— Не па-па-па-падай духом! — сказал Женька. — Посте-пе-пе-пенно научись.

— По-по-подохнешь от та-таккой науки!

Мы с Витей переглянулись. Витя лёг на спину и стал пригоршнями сыпать песок себе на грудь.

— Да, Серёженька, — сказал он, — хорошую шуточку с тобой твой друг устроил!

— Убить его ма-ма-мало, та-та-такого друга!

Мы с Витей опять переглянулись, и я подумал про себя: «Кому-кому, а Витьке повезло в дружбе. Кто-кто, а я-то уж никогда не подведу его, как Женька подвёл Сергея».

Сергей и Женька тоже собирались в лодочный поход. Пеших экскурсий и походов в нашей школе всегда проводилось очень много, а лодочный устраивался впервые. Нечего и говорить, с каким увлечением мы все к нему готовились, с каким нетерпением ждали первого июля, на которое был назначен старт. Сер-

гёй был одним из самых зайдлых наших туристов, а тут он прямо помешался на лодках, на рыболовных снастях, на всяких фарватерах¹, ватерлиниях² и кильватерных³ колоннах.

Дней за десять до начала похода все собрались в пионерской комнате. Начальник похода — учитель географии Трофим Иванович распределил обязанности и сказал, какие вещи нужно взять. Вдруг он приложил ладонь ко лбу:

— Да, товарищи, о самом главном я и забыл! Поднимите руку, кто не умеет плавать!

Никто не поднял руку. Я знал, что Витя плавать не умеет, но, конечно, не стал его выдавать. А Женька вдруг повернулся к Сергею и громко сказал:

— Серёжка! Ну, чего ты прячешься? Ты же не умеешь плавать!

Сергей страшно покраснел. Он так посмотрел на Женьку, что у другого язык отнялся бы, но Женька продолжал:

— Чего ты злишься, Серёжка? Ну, чего ты злишься? Скажешь, конечно, что я плохой товарищ, раз тебя выдаю! А я тебе отвечу: ведь до похода не два дня, а целых десять — значит, ты можешь научиться плавать. Ты вот всё говоришь, что уже учился, что у тебя ничего не получается, потому что ты худой, но тяжёлый и что у тебя удельный вес слишком большой для плавания. А я тебе скажу: врачи всё это. Просто у тебя настойчивости нет. Ну и вот! Случится с тобой что-нибудь, на чьей совести это будет? На моей.

¹ Фарватер — часть водного пространства, удобная для судоходства.

² Ватерлиния — линия по борту, до которой судно погружается в воду.

³ Кильватер — струя позади идущего судна.

— Евгений прав, — сказал Трофим Иванович. — Делу помочь нетрудно, я уже договорился с Василием Васильевичем. Ты завтра, Сергей, зайди к нему домой в десять утра. Отправитесь на речку заниматься плаванием. Но предупреждаю, друг: если ты к двадцать восьмому числу не научишься хотя бы держаться на воде, тогда уж извини. На реке всякое может случиться.

Когда окончилось собрание, Сергей ушел из школы, даже не взглянув на Евгения.

На следующее утро он отправился к преподавателю физкультуры, но оказалось, что Василий Васильевич заболел ангиной и лежит в постели. Тогда Женька сказал Сергею, что он сам научит его плавать. Сергей сначала и разговаривать с Женькой не захотел, но потом согласился. Как-никак, а Женька был одним из лучших наших пловцов.

С тех пор во время наших тренировок мы с Витей каждый день видели, как они мучаются. Вот и теперь мы смотрели на них и очень сочувствовали Сергею. До начала похода осталась только неделя, а он все еще плавал как топор.

Вите было хорошо! Он поступил в нашу школу этой осенью, и никто, кроме меня, не знал, что он не умеет плавать.

* * *

Женька прилег на песок, подперев голову рукой. Сергей по-прежнему сидел, положив подбородок на острые колени.

Он сказал, ни к кому не обращаясь:

— Я все свои деньги истратил на этот поход... Литературу купил, удочки... А теперь... теперь все прахом пошло!

— Ничего не прахом. Научишься, — ответил Женька.

Сергѣй повернулся к нему и вдруг закричал тонким, почти плачущим голосом:

— «Научишься, научишься!» Уже три дня из реки не вылезаем, а чему я научился? Чему? Воду литрами глотать — вот чему я у тебя научился!

Женька спокойно разглядывал на ладони какую-то песчинку.

— Ты, главное, духом не падай. Ещё неделя вперёд.

— «Неделя вперёд, неделя вперёд!» — опять закричал Сергѣй. — Говорят тебе, что у меня организм такой! Не приспособлен я к плаванью.

— Выдумываешь ты всё. «Организм!» — проворчал Женька.

Тон у него был такой спокойный и уверенный, что я не выдержал:

— А откуда ты знаешь, что он выдумывает? Может, и правда у него удельный вес слишком большой!

— Тебе хорошо говорить: «Не падай духом!» — проворчал Виктор. — Ты-то в поход пойдёшь. Подвёл товарища, чтобы принципиальность свою показать, а теперь утешает: «Не падай духом!»

Женька встал, отряхнул песок с трусов, натянул на ноги старые чёрные брюки, закатанные до колен, и, не надев рубашки, стал подниматься по тропинке, ведущей с пляжа навёрх.

— Обиделся! — усмехнулся Виктор.

— Жёня! Куда ты? — окликнул я.

— Домой! Сейчас придё.

Женькин дом был совсем недалёко.

Минут через десять он вернулся. Он нес длинную толстую верёвку, свёрнутую в кольцо. Он остановился над Сергеем и сказал усталым голосом:

— Вставай! Пошли.

Сергѣй только голову приподнял:

— Куда ещё?

— По новому способу учиться.

— По какому ещё способу?

— У тебя на мелком месте ничего не получается: ты, чуть что, ногами на дно становишься. Теперь давай на глубоком месте попробуем. Я тебя спущу на верёвке с моста, а ты старайся плавать. Как пойдёшь ко дну, я тебя вытащу.

— Ничего не выйдет, — сказал Сергей и отвернулся.

Женька подождал немного, потом повысил голос:

— Идём! Слышишь? Долго я над тобой буду стоять?

Тут уж мы с Виктором поддержали Женьку.

— В самом деле, Сергей, почему не попробовать! — сказал я. — Мне говорили, что такой способ помогает.

— Чудак человек! — сказал Виктор. — Последнюю надежду теряешь. А вдруг всё-таки научишься да пойдёшь в поход?

Как видно, Сергей не захотел терять последнюю надежду. Он поднялся, и Женька обмотал его грудь верёвкой, завязав тройной узел на спине.

— Идём! А вы, ребята, стойте на всякий случай поближе к воде.

Дойдя с Сергеем до середины моста, Женька остановился:

— Тут будем. Здесь глубоко. Полезай!

Я знал, что под мостом Сергеем было не больше чем по шею, да и вообще в нашей речке возле города трудно найти место, где было бы глубже. Сергей с опаской посмотрел вниз, и я подумал, что он сейчас увидит дно.

Однако вода была довольно мутная. Сергей топтался некоторое время на месте и, вздохнув так громко, что даже мы с Виктором услышали с берега, перенёс через перила сначала одну ногу, потом

другую. Стоя за перилами, он снова посмотрел на воду, потом на Женьку.

— Полеза́й, полеза́й! — сказа́л тот.

Серге́й обхвати́л рука́ми сваю́ и попо́лз вниз, а Женька́ нача́л посте́пно вытравли́вать верёвку, но так, чтобы она́ остава́лась всё вре́мя натянутой.

Вот Серге́й погрузи́лся в во́ду по плечи́. Он смотре́л вверх на Же́ню, а тот, перегну́вшись через перила́, посмотре́л на него́.

— Плыви́! — скомандова́л Же́нька.

Серге́й забара́хтался бы́ло, но как то́лько Же́нька осла́бил верёвку, он снова́ о́бнял сваю́ и повис на ней.

— Отпусти́ сваю́! — сказа́л Же́нька.

Серге́й молча́л и отпле́вывался.

— Отпусти́, говори́! Что ты вцепи́лся?

Серге́й отпусти́л сваю́ и со стра́шной си́лой заколоти́л рука́ми и нога́ми по воде́. Же́нька бы́стро оттащи́л его́ по́дальше от сваи́ и закрича́л:

— Споко́йно! Споко́йно! Пла́вно под себя́ подгребáй, пла́вно!

Но Серге́й уже́ не слы́шал его́ — он исче́з под водо́й, то́лько круги́ пошли́ от верёвки. Же́нька подожда́л секунды́ две, наде́ясь, что он вы́плывет, зате́м вы́тащил своего́ ученика́ на пове́рхность.

— Отдохни́ немно́го, — сказа́л он.

Серге́й отдохну́л, а пото́м Же́нька снова́ скомандова́л ему́: «Плыви́!» — и снова́ тот нача́л бара́хтаться, а его́ учи́тель крича́ть: «Споко́йно! Под себя́ подгребáй!» И снова́ Серге́й исче́з под водо́й, и снова́ Же́нька вы́тащил его́, перепуганного́ и задыха́ющего́ся. Так повто́рилось мно́го раз.

Ми́нут через пятна́дцать Серге́й та́ким го́лосом кри́кнул: «К че́рту! Не могу́ бо́льше!», что Евге́ний тут же подтащи́л его́ к свае́ и помо́г взобра́ться на мост.

— К че́-че́-че́рту всё э́то пла́вание! К че́-че́-че́рту

весь этот по-ход! — сказа́л Серге́й и стал бы́стро хо-
дить по пля́жу, что́бы согреться.

Же́нька сел на песо́к. Он весь блестя́л от по́та, и
вид у него́ был тако́й уста́лый, что ни я, ни Ви́тя
бо́льше не реша́лись его́ руга́ть.

— Не на́до мне никако́го похода́! — повто́рил Сер-
ге́й, проходя́ мимо.

Мы посмотре́ли ему́ вслед. Ви́тя негро́мко сказа́л:

— Сейча́с говори́т «не на́до», а как бу́дет старт,
заболе́ет с го́ря.

— Конечно́, — отве́тил я. — Во всех на́ших путе-
ше́ствиях он са́мый активный был. А тут все пойдут,
а он оди́н бу́дет до́ма сиде́ть.

Же́нька машинально́ сгребáл рука́ми песо́к, стрó-
ил из него́ пира́миду.

— А я, ду́маете, пойдú, е́сли Серге́я не возьму́т?—
сказа́л он, не поднима́я голо́вы. — Ду́маете, у меня́
со́вести нет?

Ско́ро Ви́тя отоше́л от нас и приня́лся выче́рпы-
вать консе́рвной ба́нкой во́ду из ло́дки. Же́нька о чём-
то ду́мал, погля́дывая то на ло́дку, то на уше́дшего в
друго́й ко́нec пля́жа Серге́я. Вдруг он, пони́зив го́лос,
обрати́лся ко мне:

— Отдохне́м чуто́к и ещё оди́н спо́соб попру́буем.
То́лько вы мне помога́йте.

Я присе́л перед ним на ко́рточки:

— А что за спо́соб?

— Мне Юрка Поспе́лов расска́зывал. Говори́т,
его́ так оте́ц научи́л. Посади́л в ло́дку, отплы́л от бе-
рега и вы́бросил его́ за борт. Юрка подúмал, что там
глубоко́, стал изо всех сил бара́хтаться, что́бы жизнь
свою́ спасти́, и поплы́л. Помóжете?

— Помóчь, конечно́, помóжем. То́лько где ты най-
де́шь глубо́кое ме́сто?

— А глубо́кого как раз и не ну́жно иска́ть. Ну́жно
то́лько сказа́ть Серге́ю, что там с рúчками.

— Протнѣ ивовыхъ кустовъ есть такое мѣсто, — сказѣлъ я. — Тамъ вода какаѣ-то зелѣная, тѣмная, кажется, что и дна нѣтъ, а на самомъ дѣлѣ совсѣмъ неглубокѣ.

Договорившись обо всѣмъ, мы окликнули Сергѣя и предложили ему покататься. Сергѣй отвѣтилъ, что для него «плавать на лодкѣ — значитъ, только растревлять себя», но тут же стал помогать Вѣктору вычерпывать воду. Покончивъ с водой, они столкнули лодку и забрались въ неё. Намъ такъ и не удалось предупредить Вѣтю о томъ, что мы задумали. Мы усадили Сергѣя править, я примостился рядомъ съ нимъ на кормѣ, Жѣнька сѣлъ на вѣсла, чтобы быть поближе къ намъ, а Вѣтя расположился на носу.

До ивовыхъ кустовъ было метровъ пятьсотъ. Наша лодочка, тяжело нагруженная, сильно осѣвшая, медленно подвигалась противъ теченія. Песчаный пляжъ кончился. Справа потянулся почти отвѣсный глиняный обрывъ со множествомъ крошечныхъ пещерокъ. Десятки ласточекъ носились въ этомъ мѣстѣ надъ рекой, то пикируя къ самой водѣ, то высоко взлетая. Временами кака-нибудь изъ нихъ исчезала въ одной изъ пещерокъ и черезъ нѣсколько секундъ выпархивала оттуда снова.

Наконецъ мы добрались до мѣста, где под обрывомъ росли кусты ивы, окунувше нижние вѣтки въ воду. Я мигнулъ Жѣнькѣ и, какъ было условлено, громко спросилъ:

— Жѣнька! А что, здѣсь глубоко?

— У-у!.. — протянулъ онъ. — Тутъ даже я не доныриваю.

Сергѣй посмотрѣлъ на тѣмную воду.

Мы съ Жѣнькой перемигнулись. Я обѣими руками упѣрся Сергѣю въ плечо и толкнулъ его.

— Ой, что ты дѣлаешь! — вскрикнулъ онъ и вцепился въ бортъ.

Лодка сильно качнулась.

— Хватитъ дурить, вы! Перевернемся! — сказѣлъ

Вітя, но Жёнъка вскочил и бросился ко мне на помощь.

Я отклонился в сторону и всем корпусом что было силы толкнул Сергея в бок...

Раздался крик, я почувствовал, что куда-то лечу, потом вокруг меня зашумела вода.

Окунувшись, я стал на дно. Вода была мне по грудь. Через секунду в метре от меня показалась Жёнкина голова.

— Где Серёжка? Серёжки нет! — сказал он и нырнул.

Я оглянулся и не увидел ни Виктора, ни Сергея. Только лодка плыла кверху килем да Витина соломенная шляпа. Я тоже нырнул и увидел илистое дно, редкие кустики каких-то водорослей да Жёнку, проплывшего мимо меня, словно огромная лягушка. И больше ничего и никого!

Мы вынырнули одновременно друг против друга. Лицо у Жёнки было серое.

— Серёжки нет... Серёжка утонул! — сказал он хрипло.

— И Витьки нет! — ответил я, глотая воздух.

Мы снова нырнули.

Чего я только не передумал за эти несколько секунд, пока был под водой! Иной раз за целый день столько не передумаешь. И о том, что я скажу Витькиным родителям, и о том, что, если бы я выучил его вовремя плавать, всё обошлось бы благополучно, и о том, что мы с ним не доделали фотоаппарата под киноплёнку, и о том, что же теперь будет с Жёнкой и с Серёжиной мамой, и о том, каким образом всё-таки могли утонуть два здоровенных малых в таком мелком месте.

Почувствовав, что вот-вот открою рот и вздохну, я снова стал ногами на дно и оглянулся. Берег был пуст. Не увидел я никого и на воде. Но из-за перевёр-

нутой лóдки, котóрая шла бóком к течéнию и котóрую отнесло ужé мётров на двáдцать, доносились два испуганных, сердíтых гóлоса:

— Жéнька! Волóдка! Сюда!

— Жéнька, где ты там?

Жéнькина головá на секундóу появи́лась над водо́й:

— Нёту их!

Головá снóва исчéзла.

Жéнька, наверно, сам ўмер бы под водо́й от разры́ва сёрдца, ёсли бы я насильно не вы́тащил его́. Тóлько тепёрь он услы́шал крики и всё пóнял. Бы́стрыми сажёнками мы догна́ли лóдку, пойма́в по доро́ге плывшее отдéльно весло́ и Витькину солóменную шля́пу. Обогну́в лóдку, мы уви́дели вóзле кормы́ — Серге́я, а вóзле нóса — Викто́ра. Уцепи́вшись за борт, они́ били по водé нога́ми.

— Станови́тесь на дно. Здесь мёлко, — сказа́л Евге́ний.

Мы с Жéнькой стра́шно переволновáлись, прóбыли под водо́й, навёрно, в óбщей слóжности мину́ту, потóм гнали́сь за лóдкой и тепёрь тащили её к бёрегу из послéдних сил.

Я тóлько и думáл о том, как бы преодолéть эти пять-шесть мётров, отделя́вших нас от бёрега, и лечь на ўзкой, порóсшей травóй поло́ске земли́ под обры́вом. Наконéц мы добра́лись, но и тут нам не срáзу удалóсь отдохну́ть. Едва́ мы вы́шли на бёрег, как Серге́й нáчал наступáть на нас, приговáривая:

— Я вам покажу́, как такие шу́точки шути́ть! Я вам покажу́, как такие шу́точки шути́ть!

Он да́же шлёпнул меня́ ладо́нью по заты́лку. Витя вытря́хивал из своёй шля́пы воду́ и грóмко одобря́л Серёжку:

— Так им!.. Дай им ещё! Зна́ют, что лю́ди пла́вать не умёют, и такие шу́тки выки́дывают!

Потóм они́ вскарáбкались на обры́в и ушли́.

В друго́й раз ни я, ни Же́нька не спусти́ли бы Серге́ю тако́го обраще́ния, но тепе́рь нам бы́ло всё равно́. Мы не окли́кнули их: мы ра́ды бы́ли, что они́ ушли́. Сели на траву́ и ста́ли отдыха́ть.

* * *

На сле́дующий день я заше́л к Вите, что́бы объяснить ему́ вчера́шнее происше́ствие и позва́ть тренирова́ться в гре́бле. Его́ не оказа́лось до́ма — мать посла́ла в магази́н. Я оста́вил запы́ску, в кото́рой сообщáл, что бу́ду жда́ть его́ во́зле мо́стика, и, взяв ло́дку, отпра́вился туда́.

На пля́же я уви́дел такую́ же карти́ну, что и вчера́: по грудь в воде́ стоя́л Серге́й, а во́зле него́ торча́ла Же́нькина голова́.

— Ты не волну́йся. Ты вот так де́лай. Вот так! Смотри!

Же́нька ме́дленно проплы́л о́коло Серге́я.

— Ну, а я не так, что ли, де́лаю?.. Я же так и де́лаю!

— Зна́чит, не так. Ну, дава́й! Ещѐ раз!

Через не́сколько мину́т све́рху спусти́лся Вита́. Я стал расска́зывать ему́, почему́ мы вчера́ переверну́ли ло́дку и как мы иска́ли его́ и Серге́я на дне реки́. Рассказы́вал я до́лго, подро́бно и вдруг остано́вился.

Всѐ вре́мя мы слы́шали, как Же́нька выкри́кивает своё обы́чное: «Не волну́йся!», «Подгреба́й!», «Держи́ ру́ки под водо́й!», а тут он вдруг закрича́л:

— Ну-ну-ну-ну́! Ну, ещѐ... Ну так! Ну-ну-ну-ну́!

Мы огляну́лись на ре́чку, но Серге́я не уви́дели. Одна́ко через секун́ду он вы́сунулся из водо́й.

— Что? Проплы́л? — спроси́л он почему́-то испуганны́м то́ном.

А Же́нька так же испуганно отве́тил:

— Серѐжка, че́стное пионе́рское! Ме́тра полтора́!

Сергѣйничего не сказѣл. Он откѣнул чуб со лба, лёг на воду и, взбивѣя ногами пѣну, страшно вытаращив глаза, то открывѣя рот, то надувѣя щѣки, двѣнулся к бѣрегу.

— Серѣжка! Хѣчешь — верь, хѣчешь — не верь! Два метра!

Похѣже было, что Сергѣй и в самом дѣле не повѣрил. Стоя ужѣ по колѣни в водѣ, он с улыбкай посмотрѣл на нас и спросил:

— Проплыл? Да?

— Чудак! Конечно, проплыл!

Жѣнька вышел на бѣрег и бросился на песок.

— Всѣ! — сказѣл он. — Тепѣрь он и сам из водѣ не вылезет.

Жѣнька не ошибся. Мы ужѣ начали кричатъ Сергѣю, что он весь посинѣл, что он зря так переутомляется, но Сергѣй всѣ барахтался, всѣ барахтался и с каждым разом, несмотря на утомлѣние, держѣлся на водѣ всѣ дѣльше.

— Жѣнька! Друг! — закричѣл он неожиданно, выскочил на бѣрег, обнял Жѣньку и стал катѣться с ним по песку.

Когдѣ Жѣнька кое-как от него отбился, Сергѣй стал одѣн прыгать и кувыркѣться. Наконѣц он усѣлся, улыбаясь, весь облѣпленный песком.

— С девѣти лет не мог научѣться! — выкрикивал он. — Тепѣрь посмѣтрим, Трофѣим Иванѣвич!.. Отдохну немного — на боку попрѣбую! Жѣнька! Жѣнечка! Друг! — И он снова бросился обнимѣть Жѣньку и катѣть его по песку.

Согрѣвшись, Сергѣй опѣть бросился в рѣчку. Жѣнька лежѣл, подперѣв гѣлову рукой, улыбаясь, помѣлкивал и, как видно, был ѣчень доволен, что ему не надо лезть в воду.

Переговѣриваясь с Сергѣем, давѣя ему всякие советы, я не сразу замѣтил, что Вѣтю что-то не слышно.

Я оглянүлся на него. Витя сидел грустный, притихший и покусывал поля своей огромной шляпы.

Я догадался, о чём он думает. О том, что теперь он один из всего нашего туристического кружка не умеет плавать, и, может быть, о том, что, будь у него такой друг, как Женька, он бы уже плавал.

Я мигнул Женьке и сказал:

— Виктор, а тебе Жёня говорил о проверке?

— О какой ещё проверке? — спросил он нехотя.

— Ну, о том, что Трофим Иванович собирается перед походом всех по плаванью проверить.

— Врёшь.

— Не веришь? Спроси Женьку.

— Ну да, — отозвался тот. — Двадцать восьмого, в двенадцать ноль-ноль, будет проверка. Я вчера Трофима Ивановича встретил, и он мне сказал.

Витя посмотрел на меня, на Евгения, помолчал...

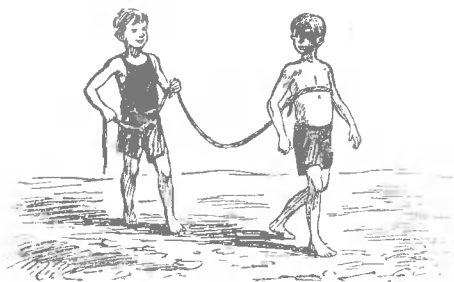
— Женька! Поможешь, а? А то меня Володька пробовал учить, да ничего как-то не вышло.

Жёня не сразу ответил. Он поковырял пальцем в песке, извлёк оттуда половинку ракушки, осмотрел её, отбросил и, вздохнув, медленно поднялся.

— Давай! Иди, — сказал он усталым голосом. — Ты, главное, не волнуйся. Дыши спокойно и подгребай под себя.

Витя научился быстрее Сергея: он поплыл на следующий день.

1950

ГАДЮКА

Мимо окна вагона проплыл одинокий фонарь. Пóезд остановился. На платформе послышались торопливые голоса:

— Ну, в час добрый! Смотри из окна не высывайся!

— Не буду, бабушка.

— Как приедешь, обязательно телеграмму!.. Боря, слышишь? Мыслимое ли дело такую пакость везти!

Пóезд тронулся.

— До свиданья, бабушка!

— Маму целуй. Носовой платок я тебе в карман...

Старичок в панаме из сурового полотна негромко заметил:

— Так-с! Сейчас, значит, сюда пожелует Боря.

Дверь отворилась, и Боря вошел. Это был мальчик лет двенадцати, упитанный, розовощекий. Серая кепка сидела криво на его голове, черная курточка распахнулась. В одной руке он держал бельевую корзину, в другой — верёвочную сумку с большой банкой из зелёного стекла. Он двигался по вагону медленно, осторожно, держа сумку на почтительном расстоянии от себя и не спуская с неё глаз.

Вагон был полон. Кое-кто из пассажиров забрался даже на верхние полки. Дойдя до середины вагона, Боря остановился.

— Мы немного потеснимся, а молодой человек сядет здесь, с краешку, — сказал старичок в панаме.

— Спасибо! — невнятно проговорил Боря и сел, предварительно засунув свой багаж под лавку.

Пассажиры исподтишка наблюдали за ним. Некоторое время он сидел смиренно, держась руками за колени и глубоко дыша, потом вдруг сполз со своего места, выдвинул сумку и долго рассматривал сквозь стекло содержимое банки. Потом негромко сказал: «Тут», убрал сумку и снова уселся.

Многие в вагоне спали. До появления Бори тишина нарушалась лишь постукиванием колёс да чьим-то размеренным храпом. Но теперь к этим монотонным, привычным, а потому незамётным звукам примешивался странный непрерывный шорох, который явно исходил из-под лавки.

Старичок в панаме поставил ребром на колёнях большой портфель и обратился к Боре:

— В Москву едем, молодой человек?

Боря кивнул.

— На даче были?

— В деревне. У бабушки.

— Так, так!.. В деревне. Это хорошо. — Старичок немного помолчал. — Только тяжёленько, должно

быть, одному. Багаж-то у вас вон какой, не по рбсту.

— Корзина? Нет, она лёгкая. — Боря нагнулся зачем-то, потрогал корзину и добавил вскользь: — В ней одни только земноводные.

— Как?

— Одни земноводные и пресмыкающиеся.

На минуту воцарилось молчание. Потом плечистый рабочий с тёмными усами пробасил:

— Это как понимать: земноводные и пресмыкающиеся?

— Ну, лягушки, жабы, ящерицы, ужй...

— Бррр, какая мерзость! — сказала пассажирка в углу.

Старичок побарабанил пальцами по портфелю:

— Н-да! Занятно!.. И на какой же предмет вы их, так сказать...

— Террариум для школы делаем. Двое наших ребят самый террариум строят, а я ловлю.

— Чего делают? — спросила пожилая колхозница, лежавшая на второй полке.

— Террариум, — пояснил старичок, — это, знаете, такой ящик стеклянный, вроде аквариума. В нём и содержат всех этих...

— Гадов-то этих?

— Н-ну да. Не гадов, а земноводных и пресмыкающихся, выражаясь научным языком. — Старичок снова обратился к Боре: — И... и много, значит, у вас этих земноводных?

Боря поднял глаза и стал загибать пальцы на левой руке:

— Ужей четыре штуки, жаб две, ящериц восемь и лягушек одиннадцать.

— Ужас какой! — донеслось из тёмного угла.

Пожилая колхозница поднялась на локте и посмотрела вниз на Бору:

— И всех в школу повезёшь?

— Не всех. Мы полови́ну уже́й и лягу́шек на три-то́нов сменяем в девча́чьей шко́ле.

— Ужо́тко попаде́т тебе́ от учителей. . .

Бо́ря снисходи́тельно улыбу́лся:

— «Попаде́т!»! Во́все не попаде́т. Наобо́рот, да́же спа́сибо ска́жут.

— Раз для учё́нья, ста́ло быть, не попаде́т, — со-гласи́лся уса́тый рабо́чий.

Разго́вор заинтере́совал дру́гих пасса́жиров: из сосе́дного отде́ления ви́шел молодо́й загоре́лый лейтенан́т и остано́вился в прохо́де, положи́в ло́коть на второ́ую по́лку; подошли́ две де́вушки-колхо́зницы, гро́мко ще́лкая оре́хи; подошёл вы́сокий лы́сый граж-данин в пенсне́; подошли́ два реме́сленника. Бо́ре, как ви́дно, польсти́ло тако́е внима́ние. Он загово́рил оживле́нное, уже́ не дожида́ясь рассу́бров:

— Вы зна́ете, како́ю мы по́льзу шко́ле прино́сим. . . Оди́н уж в зоомага́зине семь пятьдеся́т сто́ит, да ещё по́пробуй доста́нь! А лягу́шки. . . Пусть хотя́ бы по трё́шке шту́ка, вот и три́дцать три рубля́. . . А са́мый терра́риум! . . Если тако́й в мага́зине купи́ть, рубле́й пятьсо́т обойде́тся. А вы говори́те «попаде́т»!

Пасса́жиры смея́лись, кива́ли голова́ми.

— Молодцы́!

— А что вы ду́маете! И в са́мом де́ле по́льзу прино́сят.

— И до́лго ты их лови́л? — спроси́л лейтенан́т.

— Две неде́ли це́лых. Утром позавтра́каю — и сразу́ на охоту́. Приду́ домо́й, пообе́даю — и о́пять лóвить, до са́мого ве́чера. — Бо́ря снял ке́пку с голова́ и приня́лся обма́хиваться ё́ю. — С лягу́шками и жа́бами ещё́ ниче́го. . . и ящери́цы ча́сто попада́ются, а вот с ужа́ми. . . Я раз уви́дел одно́го, бро́сился к нему́, а он — в пруд, а я не удержи́лся — и то́же в пруд. Ду́маете, не опа́сно?

— Опáсно, конéчно, — согласи́лся лейтенáнт.

Почти́ весь вагóн прислу́шивался тепе́рь к разгово́ру. Из всех отделéний высóвывались улыба́ющиеся лица. Когда́ Бóря говори́л, наступáла тишина́. Когда́ он умолка́л, отовсю́ду слы́шались приглуше́нный смех и негрóмкие голоса́:

— Заня́тный како́й мальчо́нка!

— Ма́ленький, а како́й созна́тельный!

— Н-нда-с! — замети́л старичо́к в панáме. — Общественно́ полéзный труд. В на́ше вре́мя, гра́ждане, таких дете́й не́ было. Не́ было таких дете́й!

— Я ещё́ бо́льше налови́л бы, е́сли бы не ба́бушка, — сказа́л Бóря. — Она́ их до́ смерти бо́ится.

— Бе́дная тво́я ба́бушка!

— Я и так ей́ ниче́го про гади́юку не сказа́л.

— Про когó?

— Про гади́юку. Я её́ четы́ре часа́ высле́живал. Она́ под ка́мень ушла́, а я её́ ждал. Потóм она́ вы́лезла, я её́ защеми́л...

— Ста́ло быть, и гади́юку везёшь? — переби́л его́ рабо́чий.

— Ага́! Она́ у меня́ в ба́нке, отде́льно. — Бóря махну́л руко́й под скамью́.

— Этого́ ещё́ недостава́ло! — простона́ла пасса́жирка в те́мном углу́.

Слу́шатели не́сколько прити́хли. Ли́ца их ста́ли серьёзнее. То́лько лейтенáнт продо́лжа́л улыба́ться.

— А мо́жет, это́ и не гади́юка? — спроси́л он.

— «Не гади́юка!» — возмути́лся Бóря. — А что же тогда́, по-ва́шему?

— Ещё́ оди́н уж.

— Ду́маете, я ужа́ отличи́ть не могу́?

— А ну покажи́!

— Да оста́вьте! — заговори́ли кругóм. — Ну её́!

— Пусть, пусть пока́жет. Интере́сно.

— Ну что там интере́сного. Смотри́ть проти́вно!

— А вы не смотрите.

Боря вытащил из-под лавки сумку и опустился перед ней на корточки. Стоявшие в проходе расступились, сидевшие на скамьях приподнялись со своих мест и вытянули шеи, глядя на зеленую банку.

— Сорок лет прожил, а гадюку от ужа не сумею отличить, — сказал гражданин в пенсне.

— Вот! — наставительно отозвался старичок. — А будь у вас в школе террариум, тогда смогли бы.

— Уж возле головы пятнышки такие желтые имеет, — сказал Боря, заглядывая сбоку внутрь банки. — А у гадюки таких пятнышек... — Он вдруг умолк. Лицо его приняло сосредоточенное выражение. — У гадюки... у гадюки таких пятнышек... — Он опять не договорил и посмотрел на банку с другой стороны. Потом заглянул под лавку. Потом медленно обвел глазами пол вокруг себя.

— Что, нету? — спросил кто-то.

Боря поднялся. Держась руками за колени, он все еще смотрел на банку.

— Я... я совсем недавно ее проверял... Тут была...

Пассажиры безмолвствовали. Боря опять заглянул под скамью:

— Тряпочка развязалась. Я ее очень крепко завязал, а она... видите?

Тряпочка никого не интересовала. Все опасливо смотрели на пол и переступали с ног на ногу.

— Черт знает что! — процедил сквозь зубы гражданин в пенсне. — Выходит, что она здесь где-то ползает.

— Н-нда! История!..

— Ужалил еще в тесноте!

Пожилая колхозница села на полке и уставилась на Бору:

— Что же ты со мной сделал! Милый! Мне схо-

дѣть черезъ три останѡвки, а у меня вѣщи под лѡвкой. Какъ я тепѣрь за ними полѣзу?

Бѡря не отвѣтил. Уши его окрѡсились в тѣмнокрѡсный цвет, на физиономіи выступили капельки пѡта. Онъ то нагибѡлся и заглядывалъ подъ скамьѡ, то стоялъ, опустивъ рѡки, машинѡльно постѡкивая себя пѡльцами по бѣдрамъ.

— Доигрѡлись! Маленькіе! — воскликнула пассажирка в тѣмномъ углу.

— Тѣтя Мѡша! А, тѣть Маш! — крикнула одна изъ дѣвушекъ.

— Ну? — донеслось с конца вагона.

— Поаккурѡтней тамъ. Гадьѡка под лѡвками ползаетъ.

— Чтѡ-о? Какѡя гадьѡка?

В вагонѣ стѡло очѣнь шумно. Дѣвушка-проводникъ вышла из служѣбнаго отдѣленія, сонно поморгѡла глазами и вдругъ широко раскрыла ихъ.

Двѡе парней-ремѣсленниковъ подсаживали на вторую полку опрѡятную старѡшку:

— Давѡй, давѡй, бабуся, эвакуируйся!

На нижнихъ скамьяхъ, недѡвно перепѡлненныхъ, тепѣрь бѡло много свободныхъ местъ, затѡ с каждой третей полки свѣшивалось по нѣскольку паръ жѣнскихъ ногъ. Пассажиры, оставшіеся внизѡ, сидѣли, поставивъ каблуки на противоположныя скамьи. В проходѣ топѡлось нѣсколько мужѡин, освещѡя пол карманными фонарями и спѡчками.

Проводница пошла вдоль вагона, заглядывая в каждое купѣ:

— В чѣмъ дѣло? Что тут такое у васъ?

Никтѡ ей не отвѣтил. Со всехъ сторонъ слѡшались десятки голосѡв, и возмущѣнныхъ и смеющихся:

— Из-за какѡго-то мальчишки людямъ беспокѡйства скѡлько!

— Мѡша! Мѡша, проснись, гадьѡка у насъ!

— А? Какáя стáнция?

Внеза́пно разда́лся исто́шный же́нский визг. Мгно́венно воцари́лась тишина́, и в э́той тишинé отку́да-то свёрху прозвучáл лáсковый украинский говорóк:

— Та не бо́йтесь! Це мій ремешёк на вас упáл.

Бо́ря так виновáто помáргивал свётлыми ресни́цами, что проводни́ца устáвилась на него́ и срáзу спроси́ла:

— Ну?.. Чего́ ты здесь натвори́л?

— Тря́почка развяза́лась... Я её завяза́л тря́почкой, а она́...

— Интере́сно, како́й э́то педаго́г заставля́ет ученико́в вози́ть ядови́тых змей! — сказа́л гражда́нин в пенсе́.

— Меня́ никто́ не заставля́л... — пролепета́л Бо́ря. — Я... я сам придума́л, что́бы её привезти́.

— Инициати́ву прояви́л, — усмехну́лся лейтенáнт. Проводни́ца поняла́ всё.

— «Сам, сам!» — закрича́ла она́ пла́чущим го́лосом. — Лезь вот тепе́рь под ла́вку и лови́! Как хочешь, так и лови́! Я за тебя́, что ли, полёзу? Лезь, говори́ю!

Бо́ря опусти́лся на четвере́ньки и полёз под ла́вку. Проводни́ца ухвати́лась за его́ боти́нок и закрича́ла грóмче пре́жнего:

— Ты что? С ума́ сошёл?.. Вылезáй! Вылезáй, тебе́ говоря́т!

Бо́ря всхли́пнул под ла́вкой и слегка́ дёрнул но́гой:

— Сам... сам упусти́л... сам и... найду́.

— Дово́льно, друг, не дури́, — сказа́л лейтенáнт, извлека́я охóтника из-под ла́вки.

Проводни́ца постоя́ла, поверте́ла в растере́янности голо́вой и напра́вилась к вы́ходу:

— Пойду́ ста́ршему доложу́.

Она́ до́лго не возвращáлась. Пассажи́ры устáли волновáться. Голосá звучáли ре́же, спокойнее.

На нижних скамьях теперь было много свободных мест.

Лейтенант, двое ремесленников и ещё несколько человек продолжали искать гадюку, осторожно выдвигая из-под сидений чемоданы и мешки. Остальные изредка спрашивались о том, как идут у них дела, и беседовали о ядовитых змеях вообще.

— Что вы мне рассказываете о кобрах. Кобры на юге живут.

— ..перевязать потуже руку, высосать кровь, потом прижечь калёным железом.

— Спасибо вам! «Калёным железом»!

Пожилая колхозница сетовала, ни к кому не обращаясь:

— Нешто я теперь за ними полезу!.. В сорок четвертом мою свояченицу такая укусила. Две недели в больнице маялась.

Старичок в панаме сидел уже на третьей полке.

— Дёшево отделалась ваша свояченица. Укус гадюки бывает смертелен, — хладнокровно отозвался он.

— Есть! Тут она! — вскрикнул вдруг один из ремесленников.

Казалось, сам вагон облегчённо вздохнул и веселее застучал колёсами.

— Нашли?

— Где «тут»?

— Бейте её скорей!

Присевшего на корточки ремесленника окружило несколько человек. Толкаясь, мешая друг другу, они заглядывали под боковое место, куда лейтенант светил фонариком.

— Под лавкой, говорите? — спрашивали их пассажиры.

— Ага! В самый угол заползла.

— Как же её достать?

— Трудненько!

— Ну, что вы стоите? Уйдёт!

Явѣлся старшій и с ним дѣвушка-проводникъ. Старшій нагнулся и, не отрывая глаз от тѣмного угла под лавкой, помахал проводнице отведенной в сторону рукой:

— Кочерѣжку!.. Кочерѣжку! Кочерѣжку несѣ!

Проводница ушла. Вагон притѣх в ожиданіи развязки. Старичок в панаме, сѣдя на третей полке, вынул часы:

— Через сорок минут Москва. Незаметно время прошло. Благодаря... гм... благодаря молодому человеку.

Кое-кто засмеялся. Все собравшиеся вокруг ремесленника посмотрѣли на Боря, словно только сейчас вспомнили о нем. Он стоял в сторонке, печальный, усталый, и медленно тер друг о дружку испачканные ладони.

— Что, друг, пропали твой труды? — сказал лейтенант. — Охотился, охотился, бабушку вконец допек, а сейчас этот дядя возьмет да и ухлопает кочергой твоѣ наглядное пособіе.

Боря поднял ладонь к самому носу и стал соскребать с нее грязь указательным пальцем.

— Жалко, охотник, а? — спросил ремесленник.

— Думаете, нет! — прошептал Боря.

Пассажиры помолчали.

— Похоже, и правда нехорошо выходит, — пробасил вдруг усатый рабочий. Он спокойно сидел на своем мѣсте и курил, заложив ногу за ногу, глядя на носок испачканного глиной сапога.

— Что — нехорошо? — обернулся старшій.

— Не для баловства малый ее везет. Убивать-то вроде как и неудобно.

— А что с ней прикажете дѣлать? — спросил гражданин в пенсне.

— Поймать! «Что дѣлать»! — отвѣтил ремесленник. — Поймать и отдать охотнику.

Вошла проводница с кочергой. Вид у неё был воинственный.

— Тут ещё? Не ушла? Посветите кто-нибудь.

Лейтенант осторожно взял у неё кочергу:

— Товарищи, может, не будем, а? Помилуем гадюку?.. Посмотрите на мальчонку: ведь работал человек, трудился!

Озадаченные пассажиры молчали. Старший вззрился на лейтенанта и покраснел:

— Вам смех, товарищ, а нашего брата могут привлечь, если с пассажиром что случится!

— А убьете гадюку, вас, папаша, за другое привлекут, — серьёзно сказал ремесленник.

— «Привлекут»... — протянула проводница. — За что это такое привлекут?

— За порчу школьного имущества, вот за что.

Кругом дружно захохотали, потом заспорили. Одни говорили, что в школе всё равно не станут держать гадюку; другие утверждали, что держат, но под особым надзором учителя биологии; третьи соглашались со вторыми, но считали опасным отдавать гадюку Боре: вдруг он снова выпустит её в трамвае или в метр!

— Не выпущу я! Вот честное пионерское, не выпущу! — сказал Боря, глядя на взрослых такими глазами, что даже пожилая колхозница умилилась.

— Да не выпустит он! — затынула она жалостливо. — Чай, теперь учёный! Ведь тоже сочувствие надо иметь: другие ребятки в канюлы бегают да резвятся, а он со своими гадами две недели мучился.

— Н-да! Так сказать, уважение к чужому труду, — произнёс старичок в панаме.

Гражданин в пенсне поднял голову:

— Вы там философствуете... А проводили бы ребёнка до дому с его змеей?

— Я? Гм!.. Собственно...

Лейтенант махнул рукой:

— Ну ладно! Я провожусь... Где живёшь?

— На улице Чернышевского живу.

— Провожу. Скажи спасибо! Крюк из-за тебя делаю.

— Ну как, охотники, убили? — спросил кто-то с другого конца вагона.

— Нет. Помыловали, — ответил ремесленник.

Старший сурово обвёл глазами «охотников»:

— Дети малые! — Он обернулся к проводнице: — Совок несё. Совок под неё подсунем, а кочерёжкой прижмём. Неси!

— Дети малые! — повторила, удаляясь, проводница.

Через десять минут гадюка лежала в банке, а банка, на этот раз очень солидно закрытая, стояла на колёнях у лейтенанта. Рядом с лейтенантом сидел Боря, молчаливый и сияющий.

До самой Москвы пассажиры вслух вспоминали свои ученические годы, и в вагоне было очень весело.

1947

СОДЕРЖАНИЕ

Дорогие друзья-читатели! <i>Лев Кассиль</i>	3
Кинохроника. Рис. Г. Валька	7
Петухи. Рис. Г. Валька	23
Дрессировщики. Рис. В. Ладягина	33
«Человек без нервов». Рис. И. Семёнова	58
Белая крыса. Рис. И. Семёнова	74
Райкины пленники. Рис. Г. Валька	90
Учитель плавания. Рис. И. Семёнова	100
Гадюка. Рис. Г. Валька	115

ДЛЯ ВОСЬМИЛЕТНЕЙ ШКОЛЫ

Юрий Сотник

РАЙКИНЫ ПЛЕННИКИ

Ответственный редактор Г. Ф. Ермоленко. Художественный редактор Н. Г. Холодовская. Технический редактор В. К. Егорова. Корректоры К. И. Петровская и З. С. Ульянова. Сдано в набор 26/IX 1964 г. Подписано в печать 26/XI 1964 г. Формат 60×84¹/₁₆ — 8 печ. л. 7,3 усл. печ. л. (5,57 уч.-изд. л.). Тираж 50 000 экз. ТП 1965 № 629. Цена 27 коп.

Издательство «Детская литература». Москва, М. Черкасский пер., 1. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглаволиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по печати. Ленинград, 2-я Советская, 7. Заказ № 464.

27 коп.

111111
111111